

0

Алексей
Колышевский

%

ТКАТЧИКИ

%

Процент

**РОМАН
О «КРЫСАХ»...**

**от автора
бестселлеров**

«МЖ»

«СЕКТА»

«ИЗГОИ»

«ЖАЖДА»

Алексей Кольшевский
Откатчики. Роман о «крысах»

«ЭКСМО»

2007

Колышевский А. Ю.

Откатчики. Роман о «крысах» / А. Ю. Колышевский — «Эксмо»,
2007

Автор, само собой разумеется, берется утверждать, что все фамилии в книге вымышленные, а все совпадения случайные. Это, впрочем, не должно дать читателю основания не верить тому, о чем здесь написано. Роман "Откатчики" – настольная книга для того, кто не хочет жить на одну зарплату и мечтает оказаться поближе к "кормушке". Но так ли в ней все безобидно и радужно, как кажется на первый взгляд?"Откатчики". One time in Moscow...

© Колышевский А. Ю., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Двое из ларца, одинаковых с лица	5
Скромное обаяние буржуазии	11
Нескромное обаяние буржуазии	15
«Ромашка». Адаптация	20
«Шестерка»	26
Лариса	29
Первая крыса	34
Пудинг с длинными ногами	40
Чекисты и кредитные карточки	46
Вместо совести	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей КОЛЫШЕВСКИЙ

ОТКАТЧИКИ. РОМАН О "КРЫСАХ"

*Посвящается моим родителям.
Людям, которых я вижу гораздо реже,
чем мне того хотелось бы...*

Автор, само собой разумеется, беретса утверждать, что все фамилии в книге вымышленные, а все совпадения случайные. Это, впрочем, не должно дать читателю основания не верить всему тому, о чем здесь написано.

А. Кольшевский

ЧАСТЬ I

УР...

Один гад, окопавшийся в отделе снабжения, может принести больше вреда, чем дивизия белых на фронте.

Ф.Э. Дзержинский

*Всегда легче откатить, чем что-то подписать.
Один из акционеров крупной розничной сети магазинов Москвы,
пожелавший не упоминаться в этой правдивой книге*

Двое из ларца, одинаковых с лица

- Ты с чего такой помятый? С похмелья, что ли?
- Ну да... И с похмелья тоже, да и вообще...
- Что случилось?
- А ты не знаешь разве? Все в нашем гнилом мире только об этом и говорят.
- Откуда мне знать? Я прилетел только вчера поздним вечером из Парижа. А там я даже телефон не включал, чтобы побыть хоть немного в иллюзии свободы. Так что последних сплетен смрадный тлен еще не вкусил я. Рассказывай!
- Меня с работы уволили. Вчера днем.
- Так... Приплыли... Что хоть сказали-то?
- Честно говоря, этого я как-то не расслышал. Находился в этот момент слишком далеко от офиса. Я, видишь ли, если можно так сказать, решил сам себя уволить. Ушел из офиса якобы на обед, а оказалось, что навсегда.
- Тебя кто-нибудь сдал? Есть по этому поводу соображения?
- Думаю, что никто специально не сдавал. Случилось то, что должно было случиться. Я элементарно попался. Думаю, что там, наверху, устали на мои невинные шалости сквозь перья ангельских своих крылышек смотреть. Сколько можно зажигать, бухать и трахать кого ни попадя!

Этот не совсем заурядный разговор в легком миноре происходил в вестибюле бывшего здания СЭВ: высокого дома, похожего на раскрытую, поставленную стоймя книгу, построен-

ного в самом конце Калининского проспекта, ныне переименованного в улицу Новый Арбат. В глубоких уютных креслах, друг напротив друга, сидели два молодых человека. На первый взгляд особенных различий между ними не было, и даже не самый опытный наблюдатель мог бы с уверенностью сказать, что едят эти двое из одной тарелки или, что вернее, достаток их и социальное положение вполне схожи. На обоих были отлично сшитые костюмы из замечательной итальянской, очень дорогой ткани. Оба предпочитали одну и ту же торговую марку «Zegna», причем коллекция была явно не прошлогодней, а значит, цена одному такому костюму в Милане была не меньше, чем полторы тысячи евро. На запястье левой руки одного сверкал огромный золотой хронограф «Brietling for Bentley», руку собеседника украшал столь же огромный «Panerai Submersible» в белом золоте. Молодые люди сидели в одинаковых позах, закинув ногу на ногу и обхватив колено той ноги, что была сверху, замком из пальцев рук, отчего рукава пиджаков сдвинулись ближе к локтям, а часы сияли и их гильошированные в Швейцарии и Италии циферблаты генерировали множество солнечных зайчиков, посылая их во все стороны подобно тому, как маяк посылает свой свет в кромешную океанскую ночь. Поднявшиеся кверху брючины обнажали похожие как близнецы ботинки ручной работы «Berlutti», что в том же самом Милане без особенной уценки стоили где-нибудь в районе трех тысяч. Галстуки «Armani» были повязаны небрежным «косым бизнесом». На безымянных пальцах правой руки молодые люди имели по кольцу «Tiffany». У ног одного стоял портфель «Blue marine», другому принадлежал портфель аргентинской фирмы «Casa Lopez». На разделявшем их низком столике застыла огромная пепельница «Dunhill», по форме напоминающая войсковой оборонительный бетонный ДОТ. В пепельнице лежали две выкуренные наполовину сигары «Cohiba reserve». Рядом стояли два брендерированных коньячных бокала-тюльпана «Nine». При том, что час был ранний, не более, чем одиннадцать утра, официантка Наденька из бара, находившегося там же, в вестибюле, уже не раз доливала в эти бокалы славный дубовый экстракт, которым, как известно, прекрасно лечится любое, даже самое тяжкое похмелье. Респектабельность же экстракта в любых условиях непоколебима и находится вне всяких сомнений, как и чувство собственного достоинства члена какой-нибудь уцелевшей императорской фамилии. Прodelывать подобное Наденьке было не в диковину. Она работала не первый год и знала, что серьезные господа, имеющие честь трудиться в бывшем здании СЭВ, иногда не против были поправить не вполне уверенное в себе утреннее здоровье именно таким вот незамысловатым способом. Причем особенной популярностью у них пользовался именно тот самый «Nine», а толк в подобных вещах эти господа отличнейшим образом понимали и что попало в себя, да еще и по утрам, не вливали.

При том, что оба наши модника были некоторым образом упакованы в одинаковую своеобразную униформу со схожими знаками различия, все же одна деталь не позволяла отождествить их друг с другом полностью. Это выражение лица. У одного, что, как уже было сказано выше, прилетел из Парижа минувшим вечером, оно было умиротворенное. Он благосклонно взирал на собеседника, а равно и на окружающий мир из-под чуть прикрытых век, и щеки его, румяные от коньяка, своей полной формой придавали лицу приятную здоровую округлость. Изредка он протягивал руку к пепельнице, лениво брал сигару и, набрав в рот дыму, выпускал его вверх тонкой струйкой, иногда, впрочем, превращая эту струйку в небольшие аккуратные колечки, ухитряясь выпускать их одно за одним в ряд. Да так ловко, что в воздухе получалась на некоторое время эмблема автомобиля «AUDI».

Собеседник же его был мрачен. Глаза его блестели откуда-то из глубины провалившихся и черных от бессонной ночи впадин черепа нездоровым красным отчаянным блеском лопнувших сосудов. Щеки, покрытые, как и положено в последнее время, легкой щетиной, впали, отчего все лицо как-то по-птичьему заострилось и молодой человек напоминал грустного страуса. Он жадно опрокидывал в себя коньяк бокал за бокалом, вконец загоняв Наденьку, и часто и глубоко затягивался сигарой, чего, как известно, делать не следует. Но, похоже, в тот утрен-

ний час молодому человеку было наплевать и на табун лошадей, потенциально могущий быть умерщвленным тем огромным количеством никотина, который содержала его сигара, и на собственное здоровье, которое он уничтожал столь безжалостным образом. Гнетущая молодого человека забота словно создавала вокруг него физически ощущаемое на приличном расстоянии негативное поле. Он постоянно ерзал, менял позы, перекидывая ноги одну за другую, то разваливаясь в каком-то изнеможенье в глубоком кресле, то, наоборот, всем телом наклоняясь к своему собеседнику, широко раскрывая рот и, как овчарка Блонди, вываливая наружу зеленоватый от сигары и бессонницы язык.

– Да уж, что верно, то верно, – ответил прилетевший из Парижа. – Ты в последнее время что-то совсем расслабился и в разнос пошел. Помнишь, в фильме «Место встречи изменить нельзя», в последней, пятой серии, Горбатый произносит крылатую фразу: «Говорил я ему: кабаки и бабы доведут до цугундера». Вот так же и с тобой получилось. Сболтнул, что ли, по пьяни кому о своих доходах?

– Наверное... Не помню... Впрочем, да. Этой лярве из «Сан Экспобрю». Ну, ты ее знаешь. Такая... Ну, губастая такая.

– Жанка, что ли?

– Да нет! Ты что! Какая там Жанка! Жанка – удивительный человек. Я бы на ней с удовольствием женился, не будь у меня такого комплекта, мать его... Жанке что угодно можно было сказать – это все равно, что в сейф положить. Она своя баба, к тому же питерская, на окраине выросшая и сама наверх пролезла не через передок, как некоторые. Недаром я ее «мамой» зову. Она, блин, в натуре, как мама: всегда советы давала толковые и про сучку эту губастую тоже говорила, только я, дурак, ее не послушал. Думал, что ревнует по старым дрожжам. Знаешь ведь, как оно бывает.

– А у тебя с Жанкой было чего?

– У меня?! С Жанкой?! «Чего»?! А с кем я, по-твоему, в Ниццу на казенные деньги четыре раза ездил, жили в «Ritz», в люксе, а по утрам я ее белужьим кавиаром под «Dom Perignon» заряжал, а?

– С Жанкой?! Ни фиги себе! А мне не говорил ничего, змей!

– А ты и не спрашивал, хм... Она же сама зарабатывает прилично и поначалу слегка артачилась, недолго, правда.

– Да это понятно. Зачем же долго артачиться-то, можно ведь и палку перегнуть.

– Ну, «палку» перегнуть можно только в позе наездницы или при особенно рьяном минете.

– Ха-ха-ха! Жжешь! Ну а что это за «губастая» такая?

– Ну, мы когда с Жанкой подвязали, я с этой познакомился. С Люсей.

– Подожди, подожди! Я что-то такое припоминаю, кажется! У нее еще фамилия такая смешная и словно с намеком. Сразу и не запомнишь. Ва... Ве... Вар...

– Воронкина у нее фамилия. Люся Воронкина.

– Точно! Людмила Воронкина! Она у них вроде за весь мерчендайзинг отвечает?

– Отвечает, ага! Она бы лучше за язык свой отвечала!

– Ну, расскажи же ты наконец! Что из тебя слово надо, как мину тралом, вытягивать?!

– Познакомились с ней. Она – баба одинокая, разведенка. Живет на «Речном» в новом доме на Дыбенко. Муж квартиру оставил, а сам в Америку свалил. Ее дочке столько же, сколько и моей старшей. Ну и начали мы с ней зажигать: рестораны, клубы, она и по ноздре первого двинуть никогда была не против. А трахаться негде. У меня – сам знаешь. У нее ребенок с нянькой в квартире постоянно. Куда нам?

– В «Балчуг», естественно!

– Во-во! Правильно все! Натурально, в «Балчуг»! А там, как водится, «дуз персон кон багаж», то бишь «двое без багажа», если на французский манер, а по-простому – «давай номер, трахаться, вишь, приперло».

– Да уж, блин... До боли знакомая тема. Ты ее, конечно, в черные чулки наряжал, шарики всякие использовал, да?

– Понятное дело – не без этого. У меня в машине всегда чемодан валялся с реквизитом: плетки всякие, маски, дидло латексные. А что мне, нельзя, что ли? Я же честный натурал! У нас вон, мне знакомый один рассказывал, в каком-то министерстве чижик работал. И был он пидором конченным. Ну и, знамо дело, при Боре-то особенно же никто не скрывался. Чижик брал конкретно за то, что решал вопросы по своему профилю. Ему по должности какая-нибудь «Волга» с дедком-шофером полагалась, а он, на все положив, из собственных, так сказать, средств содержал «Bentley», два «Гелика» с чоповцами и «Hammer» с ментами. И вот поехал как-то раз этот ответственный государственный деятель к своему любовнику задницу натирать, а перед самым его домом и говорит начальнику охраны: «Ой! Я чемоданчик важный государственный в кабинете забыл! Вы сейчас же вернитесь и мне его срочно привезите! Прямо бегом! А то я без него государственное дело решить не смогу!» И вот прикинь! Три слонопотама с мигалками через всю Москву несутся как угорелые за этим самым чемоданчиком. Привозят его на Кутузовский. А в подъезде охраннику любопытно стало, что это в чемоданчике постукивает, на бумагах-то вроде не похоже. Он и открыл! А там полный набор садо-мазо для пидорков: и фуражки «под СС», и плетки, и маски, и смазка для задницы... Прикинь!

– Вот крендель! А где он сейчас?

– Да сейчас-то хрен его знает, где он. Новая власть, новый курс. Таких сейчас не жалуют. Но я-то о себе хочу сказать! Если такое себе «там» позволяют и это через СМИ становится известно, то почему мне нельзя?! Если растление идет с самого верха, то удивляться тому, что все мы жулики, не приходится, правильно? И вот что я тебе скажу! У меня такое впечатление, причем оно во мне прямо-таки укоренилось, что «оттуда» уже не падают. То есть если человек попадает в этот тесный, но приятный мирок чиновников класса «А», он всю жизнь гарантированно пользуется всем, что положено и не положено. А то, что не положено, как известно, положено по умолчанию. И даже если его нет-нет, да и прижучат, то максимум, чем он отделяется, это «переводом на другую работу». Н-да... С той орбиты не сойдешь. Вот только подняться до нее как?

– Святая правда. Твое здоровье! Мы, однако, от темы уклонились. Что дальше-то было?

– Ну, жгли мы с этой Люськой, а потом у нее на мой счет планы появились бабьи. Другими словами: она меня решила с Машкой развести и на себе женить. Мне, как ты сам понимаешь, такой расклад ни разу не в жилу! Да и Машку я люблю на самом деле...

– Да ладно тебе! Мне-то не гони! «Любит» он Машку! Любил бы, не паскудил так.

– Ой! Что я слышу! Вы посмотрите на этого поца! В Париже небось по всем подпольным борделям прошелся, а теперь к жене под теплый бок прилетел?!

– Ну, ты ладно, ладно! Замнем... Давай дальше.

– А дальше что? Продолжалось это безобразие полгода. Без выездов в Европу за казенный счет, знамо дело, не обошлось. Штук двести ушло на все развраты, одного первого снюхали, наверное, чемодан. А потом она мне вот это все и предъявила. А я ее послал жестко.

– Может, не стоило так сразу-то?

– Не знаю... Может, и не стоило.

Молодой человек, похожий на грустного страуса, опрокинул очередной «тюльпан» с коньяком, повел вокруг себя слегка мутным взглядом, затянулся сигарой, откашлялся и продолжал:

– И вот после того, как я ее послал, эта сучка начала всем своим подружкам направо и налево трещать про то, как мы с ней адски жгли, какой я, оказывается, подпольный миллионер

и любитель сексуальных инноваций. Моя версия такая, что, известное дело, круги по воде расходятся быстро, среда обитания у нас у всех одна, шила в мешке не утаишь, и в нужные уши ее ахинея и влетела. А там дальше понятийный ряд известен: СБ, внутренний аудит, служебное расследование, прослушка и «гуляй, Вася, от нас подальше». И честное ведь слово! У меня все в деле налажено было! Еще пару лет бы ту титьку сосал! А все из-за этой Люськи. Легче ей, что ли, от того, что меня теперь с дерьмом смешали? И, главное дело, ведь никакой благодарности! Я на нее столько денег просадила, а она про это даже не вспомнила!

– Да... Не повезло тебе, чувачок. А ты знаешь, что я тебе скажу: вот ты все меня подкальываешь, что я по борделям колбашусь, верно? А ведь мои профессионалки-то честнее в сто тысяч раз, чем твои «белые колготки»!

– Хэх! Почему «белые колготки»?

– А ты сам подумай! Они ведь и впрямь как те самые литовские снайперши Басаева. Подкрадутся, прицелятся и р-раз! Прямо в голову! А голова вдребезги! И никто ничего такого не ждал. А в борделе все просто: пришел, дал соточку или две, отымел тушку, умылся и голова не болит.

– Ага, зато конец может заболеть, а то и вовсе отвалиться!

– А у тебя с твоими акулами, думаешь, не может конец отвалиться?! Они, по-твоему, вот прямо так сидят возле окошечка с кружевными занавесочками и ждут, когда ты к ним пожалуешь в гости? Жди-дожидайся! Они кошки свободные, ходят, где вздумается, и гуляют сами по себе.

– Да, блин... Дерьмо это все. На работу надо устраиваться опять, а сколько это времени займет, неизвестно. Что теперь делать-то?! Дома, что ли, сидеть, Машку в садо-мазо прикиды наряжать?! Я ж либертен, а не семьянин. Я так, пожалуй, и сторчатся могу за пару месяцев!

– Ну, в бренд-менеджеры тебя теперь навряд ли возьмут, я думаю. Слишком уж информации много о тебе негативной. Так что в торговых компаниях тебе ловить особенно нечего.

Любитель парижских борделей задумчиво почесал переносицу, затем пощипал себя за мочку уха. Это, очевидно, оказало благотворное воздействие на ход его мыслей, ибо он торжественно поднял вверх указательный палец и изрек:

– А ты их всех поимей!

Грустный страус-человек с пьяным гротескным непониманием уставился на своего собеседника:

– А именно?! Как?!

– А ты пойди работать закупщиком! Это сейчас самая что ни на есть модная тема! Бабло они косят, словно комбайном, и вообще, будешь в авторитете ходить. И уж точно – все милые привычки сохранишь, ха-ха-ха!

– Занятно... Но легко сказать, труднее сделать. Это же долгий путь, сам понимаешь...

– Ни фига! У меня знакомая девочка есть, она с родным братом моей жены живет. Так вот, она работает в отделе кадров одной торговой розничной сети. Иностранной. Лемурийской. Ну, ты ее знаешь, наверное, – это где собачка розовая на вывеске нарисована. «Ромашка». Ну? Слыхал?

– Конечно. И как я туда могу вписаться?

– Да очень просто! Эта девчонка мне пару дней назад говорила, что у них вакансия образовалась! Они там сами все из Лемурии. И тему алкоголя ведет какая-то девка. Говорят, тупая, как валенок. У нее как раз контракт заканчивается, и она обратно в Лемурию отваливает, а они ищут нашего, кто хорошо рынок знает. Тебе сам бог велел!

– Не путай. В таких делах не бог велит...

– Да откуда ты знаешь! Вот завел опять свою любимую шарманку про бога и черта! Да ведь это одно и то же!

– У тебя что – с первого совсем голова уехала? Что ты такое несешь?!

– А то и несусь, что бог сам решает, что человеку хорошо, а что нет. Он тебя и ведет. Ты, главное, в это поверь, и сразу же легче станет.

– Ладно, потом к этой теме вернемся. А как бы нам решить вопрос-то? Мне это предложение нравится.

– Только там зарплата всего семьсот долларов.

– Зарплата... А что это такое?

– Ха-ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо-хо!

– Знаешь что? Хватит тут атмосферу дымом отравлять. Поднимемся в мой кабинет. Составим тебе резюме и пошлем его этой кадровичке. Идет?

– Не знаю, как мне тебя и благодарить-то!

– Да ладно... Будет еще время.

«Парижанин» встал. «Страус» явно перебрал с выпивкой и поднялся весьма неуверенно. Его немного пошатывало, а на лице блуждала пьяно-счастливая улыбка обретшего надежду человека и ощущался близкий прилив ощущения мелкого для каждого доброго пьяницы моря. Пока его приятель расплачивался, а сам он пытался сфокусировать взгляд на глубоком Наденькином декольте, самое время будет написать об этой парочке с десяток страниц. Она того заслуживает.

Скромное обаяние буржуазии

«Парижанина» звали Алексеем Калугиным, и близкие друзья, неприлично сократив эту фамилию, называли его «Кал». Он не был против и даже привык к этому «никнейму», как сам он называл свой пикантный псевдоним. Алексей занимал заоблачно высокую должность первого вице-президента по маркетингу и PR всемирно известной «Marini Group» и был самым высокопоставленным гражданином России, или «антиэкспатом» в администрации ее московского представительства. Подчинялся он непосредственно итальянцу, главе представительства Бруно Базукатти, более известному в кругах московских сплетников, близких к алкогольному бизнесу, под прозвищем «Бабукатти». Производным словом для такой клички послужило слово «бабло». Потому как уж что-что, а бабло у этого пройдохи водилось.

Алексеем несказанно, неслыханно повезло. Он занимал свою должность четыре года и каждый раз, когда в штаб-квартире «Marini Group», находящейся, как и положено всякой штаб-квартире доброй алкогольной компании, не желающей платить высокие налоги, в Амстердаме, во время ежегодного совещания кто-нибудь осторожно высказывал «мнение» о том, что «сеньор Калугин получает слишком высокую заработную плату, такую высокую, что на нее можно было бы нанять пятерых квалифицированных сотрудников, и они более эффективно выполняли бы ту же самую работу», сеньор Базукатти, имеющий один из самых высоких статусов в этой организации, немедленно вскакивал с места и с присущим итальянцам темпераментом и артистизмом полностью опровергал саму возможность обсуждения подобного «непродуманного предложения». Случалось это один раз в году, во время подведения годовых итогов. Возражать господину Базукатти никто не решался, и Калугин оставался на своем месте еще на целый год. Гарантированно. Такая пылкость, являемая господином Базукатти при защите своего русского вице-президента, имела на самом деле довольно прозаичное и, к сожалению, типичное для нашего времени тотальной глобализации и всепланетного расцвета пошлого цинизма объяснение. Нет, Алексей и сеньор Бруно не были гнусными педерастами-любовниками. Напротив, оба были страстными поклонниками прекрасного пола. О внешности сотрудниц московского офиса «Marini» ходили самые невероятные легенды, но даже самые меганевоятные из них не в состоянии были передать всю прелесть этих длинноногих юных блондинок, пышногрудых брюнеток, голубоглазых пленительных шатенок и сексуальных, как сама леди Похоть, африканок. Да, да! Где нашел маэстро Базукатти этих трех копий Наоми Кэмпбелл, никто не знал. Так же, как никто не знал, чем именно занимаются эти эбеновые чаровницы в рабочие часы, кроме того, что обеспечивают жизнедеятельность личного секретариата сеньора Базукатти за задраенными дверями «президентского отсека». Прием на работу сотрудниц, который правильнее было бы назвать кастингом, сеньор Бруно осуществлял лично, частенько приглашая поучаствовать в этом эстетически приятном любому порядочному мужчине действию своего заместителя по маркетингу. Вместе с Алексеем они подолгу обсуждали внешние данные претенденток на должности торговых представителей, менеджеров направлений, бренд-менеджеров и тому подобное. Офис «Marini», как уже и говорилось, находился на тридцатом этаже бывшего здания Совета Экономической Взаимопомощи. Обсуждение проходило или в огромном кабинете Базукатти, одну из стен которого почти полностью затеняло огромное окно, или в чуть меньшем, но не менее уважаемом кабинете Калугина, из которого также открывалась прекрасная панорама Москвы – великого города, протянувшегося до самой линии горизонта и по вечерам напоминающего перевернутое, усыпанное звездами небо августа. Беседы шефа со своим замом происходили, как правило, именно в такие вечера. Утопая в мягкости великолепных кресел «Niri», эти двое дегустировали благородный Porto и обсуждали девиц. Из-за плотно прикрытых дверей иногда доносился неприличный гогот, но три Наоми и бровью не вели. Они привыкли.

Попавшему в офис «Marini» постороннему мужчине становилось жарко от окружающих его в огромном количестве красавиц. Неискушенному могло показаться, что он ошибся дверью и попал либо на финал всемирного конкурса красоты, либо, на худой конец, в ведущее модельное агентство где-нибудь в Нью-Йорке. Мужской персонал офиса был крайне невелик. Да и назвать мужчинами тех, что представляли сильный пол в московском офисе «Marini», можно было лишь с большой долей скепсиса. Все эти молодые люди были последователями Бори Моисеева, отвратительно виляли бедрами при ходьбе и говорили характерными для такого рода личностей писклявыми голосами, растягивая гласные в окончании слов.

Итак, причина столь тесной дружбы итальянца с Алексеем была весьма прозаичной. И причиной этой были деньги. Огромные, неучтенные нигде деньги, отраженные в отчетах для штаб-квартиры в Амстердаме как «потраченные на развитие ряда целевых проектов». Суть схемы была абсолютно банальной и состояла в следующем.

Ежегодно штаб-квартира «Marini» выделяла огромный бюджет на рекламное продвижение своей всемирно известной продукции в России, сумма которого исчислялась миллионами евро. Проект бюджета, бизнес-план и приблизительный график рекламных мероприятий составлял Калугин. Вернее, сам он до такой мелочной и скучной работы не опускался, а лишь поручал «кому-то из девочек» накидать таблицу с расходными статьями. Без цифр. Цифры – это и была его работа. Он проставлял их напротив всех этих «листингов продукции в торговых сетях», «включений продукции в винную карту ведущих ресторанов» и «генерального спонсорства открытия концептуальных ночных клубов», имея в голове точную картину соотношения действительных расходов и итоговой суммы, которую должен утвердить Базукатти. После чего отчет уходил в Амстердам, там утверждался чисто автоматически, и штаб-квартира переводила деньги в Москву. Никто ничего не подозревал. Все проверки показывали абсолютную четкость в использовании выделяемых денег, ни один цент не вызывал сомнения в его целевом использовании. В этом целиком и полностью была заслуга Калугина. Человека, создавшего систему, благодаря которой множество самых разнообразных людей имели солидный месячный доход и боготворили Калугина, в лице которого видели почти что родного папу.

Если проследить судьбу одного из миллионов евро, переведенных в Россию простаками из Амстердама, то можно увидеть, что к моменту своего «целевого» использования этот уважаемый дензнак сильно худел и изрядно утрачивал свое полновесное стоевроцентное достоинство. Допустим, что этот евро должен был быть истрачен на «проведение акции по продвижению коктейлей на основе водки «Gorshkoff» в концептуальном ночном клубе «Fabula Casa». На самом деле тратилось не больше половины, а вот из оставшейся половины двадцать центов шли менеджеру этой самой «Fabula Casa», чтобы тот в случае проверки показал документы, подтверждающие, что на организацию концептуальной попойки было истрачено именно столько, сколько показано в отчетности «Marini», и ни центом меньше! Эти документы частично, за несколько центов, ему «шлепали» менеджеры фирм-поставщиков самого мероприятия, те, кто занимался поставкой всего необходимого для вечеринки, а частично фабриковал он сам. Таким образом, с каждого якобы потраченного полноценного евро в кармане менеджера «Fabula Casa» оседали десять центов, в карманах представителей поставщиков еще десять центов, Калугин забирал себе тридцать, а оставшиеся пятьдесят действительно тратились по назначению. И вот эти-то тридцать центов Алексей Калугин делил поровну, оставляя себе пятнадцать, а остальные пятнадцать принося своему дражайшему патрону сеньору Бруно «Бабукатти». Все, кто принимал участие в откусывании от несчастного евро изрядных кусков, были, разумеется, весьма довольны. Не имели эти люди привычки много болтать и давно уже обеспечили себе тихую, спокойную старость. В год, пощипав таким тривиальным образом травку на сочных лугах рекламных бюджетов, господа Базукатти и Калугин «зарабатывали» по три миллиона на брата. И были друг другом весьма довольны. Вот чем на самом деле объясня-

ются те неистовые энергия и упорство, с которыми сеньор Бруно каждый год отстаивал своего вице-президента по маркетингу перед почтенным Советом Директоров «Marini Group».

История стыдливо умалчивает о тех обстоятельствах, при которых эти двое стали так славно, а главное – результативно, петь дуэтом. Но за пару монет и история – поджав и без того тонкие и лживые губы свои, приоткрывает свои тайны ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы рассказать, как однажды, в самом начале своей карьеры, Леша Калугин был натурально застигнут врасплох своим итальянцем-шефом, вызван «на ковер» и между этими двумя будущими компаньонами состоялся вот такой диалог:

– Алексей, вы – мерзавец. Надеюсь, что вы это понимаете без обиняков!

– Да, синьор. Конечно, синьор. Разумеется, синьор, я и мерзавец, если так угодно синьору.

– Вы понимаете, что вы натворили?!

– Нет, синьор. Я ничего такого не творил. Я всего лишь добросовестный сотрудник.

– Алексей, прекратите валять дурака и прикидываться collonisto¹. Вы воруете деньги, и я намерен положить этому конец. Никто не вправе воровать деньги у меня из-под носа. Я вызвал вас к себе и затворил двери, чтобы никто не увидел вашего позора. «Marini» не афиширует подобного. Я предлагаю вам тихо написать прошение об отставке, я его немедленно подпишу, и никто не узнает о том, какой вы негодяй.

– Синьор Бруно... В таком случае вам также придется написать прошение, но теперь уже о своей отставке. Вы достойны ее не меньше, чем я.

– Что! Да как вы... Да как вы смеете говорить со мной подобным образом!!!

– Я имею приятеля, управляющего в одном из лучших московских отелей, где вы, синьор, так часто любите проводить время в компании мистера Кокаина и нескольких путан. Уверяю вас, что фотографий, изобличающих ваши утехы, и пояснительного письма к ним, представленных в штаб-квартиру «Marini» в Амстердаме, будет более чем достаточно для того, чтобы вы прекратили занимать любые посты в этой организации, а на вашу карьеру пописала бы дворняжка.

Калугин говорил хладнокровно, знал, что его аргументация неоспорима. С наигранным сочувствием посмотрел, как вначале побагровело, а затем стало землистым лицо итальянца. Услужливо помог тому опуститься в кресло, поднес стакан воды. Наклонился почти к самому уху и тихо, но веско продолжил:

– Синьор Бруно. Это Россия. Здесь так принято, понимаете? Вместо того чтобы с пафосом обличать меня, вы можете дать мне шанс, и я сделаю вас обеспеченным человеком. Вы вернетесь в Европу богачом! Испокон века иностранцы приезжали в Россию за богатством. Так повелось еще со времен императора Петра! Так зачем же вы хотите нарушить эту прекрасную традицию? Ведь вы такой же наемный менеджер, как и я! К черту корпоративность! К черту лживую двуличную корпоративную мораль! Как же можно не обогатиться за счет работодателя? Что же вы молчите? Я по глазам вижу, что предложение мое вам пришлось по душе.

«Уламывать» Базукатти пришлось недолго. Вернее, его вовсе не пришлось уламывать. Он не закрывал лицо руками, не вскакивал с видом оскорбленного достоинства, не бил Калугина по голове тяжелыми настольными часами, стилизованными под бутылку рома «Джекобс». Он просто очень внимательно посмотрел Калугину в глаза. А затем жестом пригласил его сесть поближе. Погрозил шутливо пальцем. И согласился...

Со временем шероховатости шантажа сгладились, между двумя компаньонами возникла, как им казалось, вполне искренняя дружба, и схема заработала без сбоев.

¹ Collonisto (ит.) – мудозвон.

Вот каков был этот «парижанин», приглашающий своего приятеля, уже не грустного, как прежде, а веселого и в изрядном подпитии «страуса», подняться в свой кабинет на тридцатом этаже.

Нескромное обаяние буржуазии

– А скажи мне, Алексей, как это все работает? У тебя есть опыт взаимодействия с людьми из этих самых розничных сетей? Как их там называют?

– С закупщиками? Ну разумеется! Взаимодействие, понимаешь ли, налажено в полной мере и представляет собой, как говорят наши уважаемые американские бизнес-теоретики, «дорогу с двусторонним движением», а говоря русским языком: «ты – мне, я – тебе». Вот так.

– А какой-нибудь пример можешь привести?

Калугин на американский манер положил ноги на свой большой стол красного дерева, закинул руки за голову, мечтательно посмотрел в потолок:

– Изволь. Вот тебе ситуация из последних. В организации «Патиссон» работает коммерческим директором некто Загребский. Фамилия, понимаешь ли, такая у него, говорящая. Даже некоторым образом обличающая. Уж больно любит старичок захватить-прихватить. Это у него в почете. Жаден, сволочь, одним словом. А у нас появляется новый товарец. Аперитивчик там один. Пустяк, но продавать надо. Мы ведь multinational company. У нас, если в Амстердаме приняли решение товар выпускать на локальный рынок, задача одна: поставить этот товар во все знаковые, а уж тем более федеральные сети. За ними, старик, будущее. «Патиссон», знамо дело, хоть и так себе сеточка, мелкая, но все же в этом списке значится. Звоню я этому плуту Загребскому. Договариваемся встретиться здесь у нас, внизу, в ресторане. Объект режимный, система пропускная строгая, посторонние особенно не шастают, так что безопасность почти полностью гарантирована. А то сам знаешь, сколько народу на таких вот ресторанных рандеву палится. В московские рестораны ходит, по сути, одна и та же публика. И среди этой публики люди попадаются, с которыми встречаться ну совершенно незачем. И вот сидишь ты с кем-нибудь, договариваешься, заинтересовываешь человека, так сказать, а вас уже пасут. Результат понятен: увольнение и обрыв налаженного канала. А здесь у нас тихо. Так вот, приезжает этот хмырь. Я его кормлю, пою и говорю, что неплохо бы к вам в «Патиссон» наш аперитивчик на полочку поставить. Пускай, мол, стоит. Этот выжига подумал для вида и говорит: «Давай, Алексей, пятнаха». Прикинь! За какой-то аперитивчик, у которого и продаж-то никаких не будет, а так просто, для ассортимента надо поставить, он пятнадцать тысяч долларов попросил. А у меня на него бюджет всего-то пятнаха и есть! Так мне же надо и себе что-то оставить при этом! Пою я его еще больше, сулю всякие заграничные поездки халявные. Мы такие вояжи для этих сволочей организуем каждый год по несколько раз. И в США, и в Европу – везде, где есть виноградники и наше производство. Ручку ему подарил свою как бы между делом, «Mont blanc». Согласился на восемь штук в результате. И ему приятно, и я с земли семерик поднял. И все на доверии, понимаешь? Он понимает, что я его не сдам. Мне неинтересно! Ведь уволят его, откуда я знаю, кто на его место придет? Может, придет какая-нибудь баба, тупая, как вот эта самая лемурийка, на место которой мы тебя хотим определить. Так она и денег брать не станет, и вопрос через нее ни один решить будет невозможно. Вот так вот, за счет этих самых недалеких закупщиков мы, скромные труженики, и живем. Закупщик ворует вагонами, и в случае чего я на него все и свалю. Все равно он в чане с дерьмом по самую макушку, а я чистенький и вроде как совершенно не при делах.

– И меня ты, значит, на роль вот такого вот «сидящего в чане» определить хочешь?

– На роль такого «чана» мечтают попасть все менеджеры торговых компаний Москвы, друг мой. Причем втайне надеясь, что роль эта будет ролью не в односерийном фильме, а в сериале с астрономическим количеством эпизодов. Короче, чтобы работать подольше, а наживать побольше. У тебя все равно особенных вариантов нет. Либо дома сидеть, благо тебе есть на что, хе-хе-хе, либо вот так... Согласен?

– Да. Что же остается делать?

– Тогда я сейчас составлю тебе резюме на английском и вышлю его своей знакомой. Ей, кстати, нужно будет штуки две «зелени» подкинуть за протекцию. Ты как, не против?

– Да что ты! Нет, конечно!

– Тогда отдохни пока. Вон поди на диване поваляйся, музыку послушай. Любишь Шона Каstellо? Мне как раз приятель на днях диск забросил...

Алексей углубился в тонкости написания «Резюме кандидата». Этой обезличенной бумажки, без которой в современном мире устроиться вскоре нельзя будет никуда, включая *very sexu* – должности ночного вахтера в общежитии, набитом вьетнамцами, и водителя-убийцы маршрутного такси. Его приятель побрел к большому кожаному дивану, сел, вежливо снял ботинки, скинул пиджак, забросил его на спинку невдалеке стоящего стула, взял с журнального столика пульт стереосистемы V&O и лег, с душевным побряхтыванием вытянувшись во весь рост и положив голову на довольно низкий подлокотник. Вскоре из угла кабинета, где с таким комфортом расположился будущий закупщик всех времен и народов, полилась великолепная мелодия, которая так органично дополняла то пьяно-лирическое состояние, которое он сейчас испытывал. Глазами нашел за стенным шкафом выделяющийся в ряду книг белый переплет, сконцентрировался на нем и предался воспоминаниям о драматических событиях последних трех недель.

Три недели. Именно столько длилось служебное расследование против него, бренд-менеджера алкогольной бельгийской компании «Пьер Рикарди Руасси» Германа Кленовского. «Нашего Геры», как называли его во всех московских ресторанах. В тех, которые он посещал еженедельно по долгу службы, ибо в его обязанности входило продвижение продукции «Пьер Рикарди» именно через винные карты ресторанов. Начал Гера свою работу лет пять назад с должности простого маркетолога. Компания развивалась, люди были нужны позарез, а рынок труда уже который год испытывает колоссальные трудности. Работать некому, стоящих людей нет. Вместо них есть молоденькие вчерашние студентки, насмотревшиеся сериалов про страшную девку с гнилыми зубами в очках а-ля Генрих Гиммлер и ни черта не знающие, кроме полностью оторванной от реальной жизни теории, которую им преподают в их расплодившихся лжевузах такие же теоретики. При этом полном отсутствии практического опыта и со знаниями, вынесенными из бывшего кулинарного техникума, ныне именуемого «академией», эти вчерашние студенты весьма амбициозны. Амбиции, ничем не подкрепленные, – это и есть все, что у них, собственно, за душой. Приходя на собеседование к работодателю, такой вот вчерашний выпускник факультета менеджмента кулинарного техникума-академии заявляет, что согласен работать самое меньшее руководителем отдела человек в пятьдесят с окладом тысяч в пять евро. И на меньшее этот красавец не согласен.

Карьера Германа быстро пошла в гору. За короткое время он вырос до начальника отдела маркетинга, затем стал ведущим бренд-менеджером компании по ресторанному направлению, сосредоточив в своих руках колоссальные рекламные бюджеты. Герман начал подворовывать не сразу. Не то чтобы он не хотел, просто на маленькой позиции у него не было такой возможности, но он не унывал. Словно заправский снайпер, он долго ждал в неприметном окопе – и дождался. Ресторанная жизнь довольно быстро превратила его в гламурного прощельгу, высокомерно смотрящего «на быдло не из тусовки» и постоянно хлюпающего носом из-за частого употребления кокаина. Не то чтобы он был наркоманом, но никогда не отказывался от парочки жирных дорожек, предложенных владельцем ночного клуба или ресторана. Все они были его друзьями, так, по крайней мере, он считал. Ведь совместный порок сплачивает людей.

Герман получал откаты от всех и вся. Ничем не брезговал. Включение одной позиции вина или коньяка в винную карту ресторана стоило обычно около пятисот долларов. Гера брал в компании тысячу и половину оставлял себе. То же самое было с рекламными растяжками. Одна растяжка – кусок полотна с рекламой ресторана над проезжей частью – стоила обычно около четырех тысяч долларов. Герман брал шесть, а разницу опять же клал в карман. Его

хорошие отношения с рестораторами позволяли спокойно откатничать и иметь в месяц тысяч десять-двенадцать долларов честного левака. Вместе с заработной платой выходило около семнадцати тысяч в месяц – совсем неплохие деньги, но аппетит приходит во время еды.

Это называют по-разному, но суть процесса всегда сводится к старинной уголовной поговорке: «Жадность фраера сгубила». Почему человек теряет осторожность и его начинает «заносить» – это вопрос криминальной психологии и предмет изучения для целого ряда разнообразных исследователей человеческих душ от писателей до судебных исполнителей. Геру «занесло» через четыре года его работы в «Пьер Рикарди». Он начал торчать, как говорили, по-взрослому. Ежедневной дозой для Кленовского стал один грамм кокаина. Затем два грамма. Затем три. Грамм этого адского счастья хорошего качества стоит в районе трехсот долларов. Говорят, что можно найти дешевле, но тогда можно нарваться на «туфту» и сжечь нос, а за ним и мозг каким-нибудь толченым удобрением на основе селитры, смешанной с героином. Дилер у Геры был один из лучших в Москве, товар у него всегда был отменного качества. Дилера звали отчего-то Джоном, и он снабжал порошком под названием Pure Columbus очень известных в Москве граждан. Среди его клиентов, любителей «двинуть по первому номеру», были известные политики, бизнесмены, эстрадные артисты, кинозвезды, рестораторы. Один из московских рестораторов и познакомил Геру с Джоном. И так, несколько тысяч долларов у Геры уходило только на кокаин. Помимо этого он имел парочку любовниц, которые были совсем не прочь немного пополнить свой гардероб за его счет. Гера постоянно зажигал в клубах, обедал и ужинал в ресторанах, и при таком образе жизни никаких откатов ему не хватало. Тусовка, в которую он так стремился, членом которой стал и расстаться с которой не согласился бы ни за какие сокровища мира (ибо тусовка давала ему социальный статус), предполагала постоянное наличие у тусовщика денег в неограниченном количестве. Это всегда заложено в сути любого гламурного болота. Автомобилей должно быть хотя бы два: летний и зимний. И цена их должна начинаться от восьмидесяти тысяч. Одеваться, ясный день, надо постоянно во все самое передовое из последних миланских коллекций. Распродажа здесь не канает. Вещи прошлых сезонов в два счета вычислят, и станешь поводом для сплетен: «Ой, чо́та он в каком-то старье пришел, ваще». И Гера пустился во все тяжкие.

Он составлял левые контракты с ресторанами, ночными клубами, автозаправками, авиакомпаниями – кем угодно. Контракты свидетельствовали, что тот или иной ресторан, клуб или заправка размещает в своей винной карте ассортимент «Пьер Рикарди» и просит за это сумму со многими нулями в иностранной валюте. Частный мастер изготовил для него по оттискам массу печатей действительно существующих организаций из их числа. И Гера, левой рукой подписывая контракты от лица ничего не подозревающих руководителей этих организаций, правой загребал в кассе многотысячные стопки купюр, которые прикарманивал полностью и без всякого зазрения совести. В «Пьер Рикарди» никому особенно не бросалась в глаза Герина преступная активность. Во-первых, самостоятельно продукцию в рестораны, ночные клубы, гостиницы компания не отгружала, переложив эту задачу на дистрибьюторов, следовательно, установить, ушла ли продукция в ресторан «Третьяков lounge», клуб «Мо» или авиакомпанию «Maybe S-airlines», было затруднительно. Да никто этими вопросами себя и не утруждал. Герман работал пятый год, был на хорошем счету, ему доверяли. Он охотно пользовался этим доверием, обратив его в преступный инструмент собственной наживы. В тусовке обратили внимание, что Гера начал перебарщивать с наркотиками, и с чьей-то легкой руки все подхватили поговорку «Наш Гера стало гёрой».

Когда дело касается наличных денег, то доверять нельзя вообще никому. Кругом сплошь и рядом так и вьются люди, готовые облегчить карман работодателя на пару монет. Один из знакомых Геры – бывший коммерческий директор питерского водочного завода Глеб Бобрович – однажды произнес ставший впоследствии хрестоматийным монолог:

– Все жулят. Отвернулся, а тебя уж и обжулили. Ты за жуликом, ан с другой стороны залезли в карман. Ворье кругом! Факт.

Впрочем, этот Бобрович и сам оказался изрядным жуликом. Завод принадлежал какому-то не то сенатору, не то депутату, но, естественно, бизнесмену силового плана². На этот завод давно зарились конкуренты, но у них ничего особенно не получалось, кроме мелких пакостей, которые этому сенатскому депутату были как слону дробина. Но однажды, катаясь на скоростном скутере на Лазурном Берегу возле Ниццы, этот депутат, перебравши кальвадоса или еще чего-то, не справился с управлением и на скорости сто сорок километров врезался в борт яхты другого депутата, скромно отдохавшего на ней после весенней думской сессии с двумя гейшами и воображающим себя главным персонажем рекламного ролика пива «Тинькофф». Гейши и депутат-яхтсмен особенно не пострадали, а вот водочному королю дико не повезло. От него смогли найти только несколько мелких запчастей, которые никуда не годились, и голову с хитро прищуренным правым глазом. Голова еще летела над водной гладью, и не успела еще эта голова коснуться морской волны, а уж на заводе начался жесточайший передел собственности. Подобно стратегическому населенному пункту в военное время, он в течение дня переходил из рук в руки от одной группировки влиятельного бизнесмена силового плана к другой такого же харизматичного господина. Конец этим боевым действиям положили власти, которые объявили завод федеральной собственностью и установили на нем государственное управление. Бизнесменам силового плана на государство тянуть особенно не хотелось, и, поняв, что продолжать вибрации в итоге выйдет себе дороже, они, скрипя зубами от злости, ретировались. Во время всех этих пунических войн Бобрович отсиживался на даче где-то в районе Колпина, а после того, как все стихло, попытался вернуться на завод и стать угодным нынешней заводской администрации, но ничего у него не получилось. Бывший кадровый чекист, а ныне глава службы безопасности этого предприятия Максим Иванович Травин, добродушно улыбаясь в пушистые усы, выложил перед Глебом пухлую конторскую папку с его собственным, Глеба Бобровича, делом. Полистав папку, где было задокументировано решительно все вплоть до частоты ночных походов в сортир, не говоря уже о подборе дистрибьюторов за взятки, Глеб несколько раз икнул и предпочел испариться из поля зрения добрейшего Максима Ивановича. Он переехал в Москву, организовал здесь сеть салонов красоты и теперь вполне доволен жизнью. Вот только воспоминания о той папке иногда омрачают его безоблачное персональное небо.

Гера, между тем, зарывался все больше и больше. Он чувствовал, что долго так продолжаться не может, и снимал стресс между ног красавиц полусвета. С напудренным носом и пустой головой он ненадолго забывал о скорой расплате.

Эта самая расплата, а вернее сказать, пиздец, как и водится, подкралась незаметно. Из Франции в Москву прилетели акционеры «Пьер Рикарди». Днем они ознакомились с состоянием дел в российском филиале, а вечером поехали ужинать. Французы, как известно, диету не жалуют. Взяли в отделе маркетинга список ресторанов, из которого следовало, что во многих из них продукция «Пьер Рикарди» представлена на эксклюзивной основе и напитков конкурентов там вовсе нет, за что ресторану была выплачена изрядная сумма денег. И направились в известнейшее в Москве место под названием «Esprit cafe». Усевшись поудобнее, они через переводчика попросили у официанта виски «Джейсон» 18-летней выдержки и джин «Ларсен», на что официант невозмутимо ответил: «У нас из виски только «Джоник черный» и «Джек Дэниэлс», а из «Бифитеров» только «Бифитеры» и есть, а таких напитков, как вы, мсье, просите, у нас никогда и не было».

Французы впали в недоумение, а так как люди они темпераментные, то тут же это недоумение переросло у них в истерику. Стали названивать по мобильным телефонам руководи-

² О том, кто такие «бизнесмены силового плана», можно прочесть в моем романе «МЖ. Роман-жизнь».

телю отдела маркетинга Гере и еще кому-то, но решительно все телефоны были выключены, так как люди, которым они принадлежали, не любили, когда их беспокоят после шести часов вечера по рабочим вопросам. Тогда французы, чье истерическое недоумение стало постепенно переходить в ярость, потребовали хозяина заведения, который на Герино горе оказался в тот вечер в собственном ресторане. Он подошел, выслушал нервных французов и ответил, что никакого договора он в глаза не видел, ни о каком эксклюзивном контракте речь никогда не велась и он ничего такого не подписывал. Озадаченные французы, в которых давно уже зашевелился червь подозрения, решили посетить еще несколько заведений, указанных в списке, и везде их ждал совершенно такой же результат: недоумение хозяина ресторана по поводу какого-то контракта и ухмылочка понятливых официантов.

Туча, нависшая над Герой и давно наливавшаяся силой тропического ливня, была готова расплакаться. На следующее утро в офисе «Пьер Рикарди» очень тихо началось служебное расследование Гериной деятельности. В течение нескольких дней выяснилось, что ведущий бренд-менеджер Герман Кленовский взгрел родное предприятие на два с половиной миллиона долларов. За день до окончания расследования один из рестораторов, не имевших против Геры ничего личного, позвонил ему и предупредил, что «под него копают, и, видимо, глубоко». Гера вышел якобы «на обед» и в офисе больше никогда не появлялся.

Французы, движимые жадной кровавой мести, написали на Геру заявление в прокуратуру, куда Геру и вызвали, прислав ему на дом повестку. Гера позвонил своему адвокату, известному всей Москве, вынюхал грамм своего волшебного порошка и, будучи отрешенным от всего мирского, прибыл на допрос.

На допросе на Геру начали было кричать, угрожать ему и сулить страшные кары, но тот флегматично произнес:

– Предъявите мне бумаги с моей подписью, из которых бы ясно следовало, что я брал в кассе деньги для того-то и для того-то.

Следователь прокуратуры озадаченно почесала острым карандашом голову как раз под самым пучком волос. Не нашлась, что возразить, так как Гера был совершенно прав, и позвонила в «Пьер Рикарди». Там ей неохотно ответили, что таких бумаг у них нет и никогда не было. Следователь прокуратуры обозлилась, назвала рикардийцев олухами, швырнула трубку и уставилась на Геру:

– Что, вывернулся?

– Позвольте, я позвоню своему адвокату.

– Да ладно... Не надо тут никому названивать. Иди отсюда. Повезло тебе.

И Гера ушел. Он прекрасно знал, что все украденные им деньги официально в «Пьер Рикарди» не проводились, а выдавались из черной кассы, а он никогда ничего не подписывал. Вот так Герман Кленовский стал миллионером. Несмотря на то что он много растранижил, кое-что у него оставалось, но этого при прежнем образе жизни, который Гера менять не собирался, должно было хватить на год, а что делать потом, было непонятно. И тогда он позвонил Калугину. Совместный дилер объединяет!

«Ромашка». Адаптация

– Ну что, Герыч. Я с твоим резюме закончил. Отправлять?

– Дай хоть почитать, что ты там написал!

– Да нормально я там все написал. С таким резюме в прежние времена тебя сразу бы главой комсомольской ячейки выбрали. Так я отправляю?

– Валяй.

Калугин зачем-то подул на пальцы правой руки и нажал кнопку SEND.

– Готово, брат. Теперь позвоним нашей девушке, узнаем, когда ее можно отблагодарить.

Позвонили. Девушка Оля прочитала резюме, сказала, что «это как раз то, что нам нужно». Показала его какому-то большому начальнику, кажется, коммерческому директору этой самой «Ромашки». Тот с многозначительным видом водрузил на нос очки, выпятил нижнюю губу, прочитал, поцокал языком и, хлопнув Оленьку по пухлой попе, подмигнул ей:

– Олга, ты считаешь, што это кароший кандидатюр?

– Уверена, мистер Мурда! Опытный менеджер, from field, серьезный, и его очень хорошо рекомендовали.

– Кито его рекомендалал?

– Вице-президент «Marini Group» господин Калугин!

– О! Это исфестный и уфашаемый тщельовъек. Карашоу, вызовите этот Гъиера на зафтра утром. Ми путем с ним кафарить.

Утром следующего дня наш Герман, проинструктированный Калугиным и скромно одетый в какой-то престарелый пиджак и ботинки с тупыми носами, сидел перед мистером Мурдой и на прекрасном английском заворачивал о себе небылицы. Впрочем, вся корпоративная культура – это небылица более чем наполовину. Любой, даже самый маленький, клерк раздувается от собственной значимости и мнит себя хозяином мира, стремясь придать себе многозначительности. Появляется этакий басок, убедительно бубнящий немислимую ахинею и чудовищную ложь. Картина мира клерка, если взглянуть на нее со стороны, – это постоянно сталкивающиеся друг с другом в маленьком тазике запущенные туда пластмассовые утята. В тазике тесно. Утята безобидно бьются пластмассовыми клювами друг о друга почти без звука. Вода недвижима. Но клерку, переполненному корпоративным зомбированием, кажется, что он не утенок, а мощный дредноут, принимающий участие в крупнейшем сражении в составе легендарной эскадры ООО «Пиписькин». Торпедирующий корабли эскадры противника из какого-нибудь ООО «Хрентрест» и бомбящий глубинными бомбами субмарины атомного подводного флота ООО «Посадские грибки». Клерк постоянно лжет, а лгать он вынужден по долгу службы, либо сбывая лоховатым партнерам ненужный им товар в случае, если это торговая компания, либо уламывая лоховатых поставщиков заплатить за право торговать их ненужным товаром: очередным пакетом молока, коробкой конфет или телевизором под крышей «такого-то» магазина, в случае если это сеть розничных магазинов.

Все общение клерков строится на беспросветном вранье друг другу, и вранье это при его постоянном применении уже не кажется порождающим его клеркам враньем и вскоре превращается в корпоративный свод законов. Клерки, живущие в своем ирреальном мирке, считают его единственной приемлемой для жизни средой и с подозрением и даже презрением смотрят на всех остальных участников гражданского общества, не входящих в состав эскадры пластмассовых утят. Для клерков – это непостижимые и оттого конченные люди. Еще бы! Ведь проблема выполнения ежемесячного плана отгрузки бамбуковых кресел или бананов – это проблема вселенского масштаба и важнее ее нет ничего решительно! А сдача годового баланса?! Это же гораздо важнее, чем загадка Бермудского треугольника! Весь мир для клерка сужается до размеров его офиса, все интересы – до «выполнения плана сбора дебеторской задолжен-

ности». Контакты с внешним миром происходят в четко отведенные корпоративными правилами четыре недели, когда можно поехать в Турцию и валяться там под зонтиком, насосавшись халявного и потому дрянного, как все халявное, турецкого пива, или в Таиланд и побаловать собственные усохшие чресла в цепких коммерческих объятиях местной секс-индустрии.

...Об этом подумал мимолетом Герман, смотря на хитро поблескивающие стеклышки очков Мурды. Разговор носил мирный, спокойный характер. Герман как отличный психолог понял, что лемуриец к нему расположен. Что так же, как и все иностранцы, сражен уровнем владения им, Германом, английским языком и чистотой лондонского произношения. На самом деле Гера в Лондоне действительно пару раз был, но не для учебы, а совершенно по другим делам. В Лондоне у Геры был открыт банковский счет. А язык Гера выучил самостоятельно. По каким-то старым книгам, найденным на даче приятеля и милостиво подаренных им Герману. Произношение тоже далось как-то само собой. Не прошли даром несколько лет, проведенных в районной музыкальной школе. Слух был идеален, такой подошел бы для занятий скрипкой, но Гера любил гитару. Хотел сперва стать вторым Сеговией, на меньшее не соглашался. О этот юношеский максимализм! Как быстро он проходит и как больно разочаровывает своей нереализованностью. Увлечение Сеговией прошло после того, как Гера впервые услышал Гарри Мура. Пристал к отцу: купи, мол, электрогитару, хочу стать рок-музыкантом. Отцу было не до того. Сына своего он не то чтобы не любил, он никогда не воспринимал его серьезно. Считал, что это какое-то недоразумение, так... Вон у других-то мужиков – вот это сыновья! А этот, ну, пускай уж растет, коль родился. К тому же у Гериного папы всегда были какие-то шашни на стороне. Долгое время он как-то выкручивался, но в конце концов его захомотала какая-то исключительная стерва. Гера, как он сам впоследствии не раз говорил, по-мужски понял бы отца, если бы тот ушел к молодой, красивой и бездетной девахе. Здесь любого мужика «за сорок» осудить трудно. Да и такой уход – он хоть как-то объясним. А той стерве было столько же лет, сколько и папе, она раза три успела побывать замужем, причем все ее мужья как-то странно и скоропостижно скончались, не дожив и до пятидесяти лет. От тех ушедших в мир иной страдальцев прижила эта сестренка графа Дракулы двоих дочерей. А от Гериного папы в спешном порядке родила третью. Гере было двадцать, младшей сестре его десять. Папа посмотрел на своих почти взрослых в его понимании детей, затем подержал на руках беспомощную новорожденную, стерва подлила ему сперва сладкого ластивого сиропчика, затем пригрозила, что выкинется из окна, затем еще что-то пообещала... В общем, папа ушел. И остались Гера с сестрой и с мамой втроем...

– Так ви не протьяф рапотать ф нашей компании? – Мурда вопросительно и вместе с тем выжидательно поглядел через стол на Германа, который чисто механически отвечал на его вопросы, а сам вспоминал Гарри Мура, папу и электрогитару, которую папа так ему и не купил...

Германа приняли на работу. Уходя из офиса «Ромашки» для того, чтобы на следующий день вернуться туда уже в качестве нового сотрудника, он незаметно сунул Оленьке свернутую тугую зеленую трубочку из сто долларовых купюр. Она быстро кинула деньги в сумочку и мило улыбнулась.

Герман про себя подумал: «Это последняя дача взятки в моей жизни, а вот взятка отнюдь не последняя».

Усмехнулся. На улице, выбив из пачки сигарету, закурил, жадно съев ее в несколько глубоких затяжек. Щелчком выстрелил обожженный фильтр.

На следующее утро он приступил к выполнению своих обязанностей.

Должность Германа на новом месте работала называлась «специалист отдела закупок и маркетинга». По должности ему полагалась пара ассистентов, стол, стул, компьютер и заработная плата в семьсот долларов. Мобильный телефон не оплачивался. Офис «Ромашки» находился в одном из ее же больших магазинов, который именовался «гипермаркетом». С одной

стороны прямоугольной коробки здания был вход в этот самый гипермаркет, с другой – вход в офис. Где-то посредине между гипермаркетом и офисом находилась столовая для «русского персонала». Так в этой лемурийской компании называли лемурийцы всех остальных, тех, кто лемурийцем не являлся. В эту столовую сами лемурийцы ходить брезговали – такой отвратительной бурдой там кормили. Обычно в «меню» была картошка, плавающая в каком-то жидком бульоне, малейшие волокна мяса из которого были удалены, салат из капустных листьев, на которых хрустел песок, и начавший черстветь белый хлеб, не проданный в магазине и поступивший для прокорма сотрудников. Периодически «выбрасывали» готовые к списанию йогурты с истекшим сроком годности и подгнившие бананы из того же самого магазина. Безотходный цикл, мать его! Не пропадать же, в самом деле, «доброе»! К тому же питались там все вместе: и синие воротнички – офисные работники, и персонал гипермаркета, который Герман про себя в первый же день назвал «скотъём». От них постоянно пахло потом, они громко гоготали над какими-то дебильными шутками уровня «Маха на пляжу по пьяни пошла чота в кусты и наступила в кучу говна, вот приколы, да?». Всю немудреную еду в «столовке» эти наследники революционного пролетариата обильно поливали стоящим на столах бесплатным майонезом, отчего та становилась, по справедливому мнению Германа, «еще гаже». В столовой Герман побывал лишь однажды, в самый первый день. Он ухитрился, почти не показывая вида и зажав рот рукой, быстро выйти в коридор, где, включив форсаж, понесся в сторону туалетов. Ворвавшись в кабинку, он едва успел закрыть дверь и склониться над унитазом. Его рвало несколько минут. Ничего в тот день он больше так и не съел.

Вообще, условия, в которые попал Герман, радикально отличались от того, к чему он привык в роскошном офисе «Рикарди». Ни о каком отдельном кабинете и речи быть не могло! Его стол находился в большом зале, втиснутый меж таких же столов. К рабочему месту приходилось осторожно протискиваться – настолько плотно они стояли. В воздухе стоял неопытный гвалт от постоянных звонков, ругани новоявленных коллег с поставщиками товаров и лемурийской брани. Это Мурда любил потренировать голосовые связки, выбравшись из своего маленького кабинета напротив. Чем он был недоволен, Герману было вначале непонятно, а потом он просто привык к этому постоянному визгу на дикарском языке и перестал обращать на вопли Мурды всякое внимание.

В этой суетной толкотне Герману было дико и совершенно не по себе. Он чувствовал себя, как нежный тепличный апельсин на грядке картошки. Поначалу он все бегал на перекуры, но по нескольким быстрым и злобным взглядам, брошенным в его сторону Мурдой, понял, что частые перекуры не приветствуются. Тогда на Германа навалилась депрессия. В течение рабочего дня он еще как-то сдерживал себя, но по вечерам, садясь в скромную, купленную за три тысячи долларов подержанную «девятку», он давал волю чувствам и начинал выть. Порой вой этот продолжался более десяти минут, после чего Герман с остервенением «втыкал» первую передачу и срывался с места, заставляя колеса несчастной машины дымиться от прокручивания на месте. Предаться приятной кокаиновой неге не получалось: все прежние друзья немедленно после получения известия о Герином увольнении оказались «страшно занятыми», а некоторые и вовсе не отвечали на звонки, видя на экранах своих телефонов, что им звонит Герман. Калугин вечно жаловался на чрезвычайную занятость, и привычной компании вокруг Германа не осталось. Наконец измотанный Гериными истериками «Кал» согласился встретиться с ним в пятницу вечером в клубе «Ритм энд Блюз», что возле Библиотеки имени Ленина.

В знойный пятничный вечер к ограде клуба со стороны улицы подъехал пафосный Калугин на служебной «AUDI А6» с шофером и увидел, как из грязного, условно-вишневого «жигуленка» вылезает понурый Герман в сереньком мешковатом пиджаке, несвежей рубашке, брюках с пузырями на коленях и пыльных ботинках. В руках вместо портфеля «Blue Marine» Гера держал какую-то дурацкую спортивную сумку формата А4, которую он, захлопнув при помощи

ноги дверцу своего автомобиля, надел на плечо. От увиденного Калугин на мгновение опешил. Он никогда не видел своего друга таким, как он выразился про себя, «опущенным». Тем не менее, широко улыбаясь, он поспешил навстречу Герману и на ходу, протягивая руку для рукопожатия, громко крикнул:

– Герыч! Дружище! Ты ли это! Я не верю своим глазам: ты преобразился до неузнаваемости!

– Гм... Еще бы! Ведь это по твоему совету я напялил на себя все эти ужасные шмотки, купил вот это отвратительное гремящее корыто и похож теперь на клошара! Черт возьми! Да я на грани нервного истощения!

– Спокойно! Главное сейчас – это спокойствие. Предлагаю зайти внутрь! Не изливать же в самом деле душу прямо здесь, стоя на проезжей части?!

Друзья проследовали в клуб. И если Калугин со стороны походил на роскошный океанский теплоход, то Герман в своем простеньком прикиде и с дурацкой сумочкой выглядел обшарпанным буксиром, выводящим этот теплоход из гавани порта на большую воду.

Войдя внутрь, друзья сразу же поднялись на второй этаж, где оккупировали удобный полукруглый диван, немедленно закурили и заказали себе по четыре порции серебряной текилы «Sauza» каждый. Чокнувшись подряд четыре раза и влив в себя за рекордно короткое время по двести граммов текилы, они пришли в лиричное расположение духа и продолжили разговор уже спокойно, как и подобает двум выпившим и никуда не спешащим в конце рабочей недели клеркам:

– Леша, я на грани нервного срыва. Я думаю, что не выдержу больше двух дней в этом аду.

– А может быть, ты просто не в состоянии приспособиться к среде? Я всегда считал, что у тебя должны получаться такие вещи. Расскажи все по порядку, а я постараюсь успокоить тебя, ибо вижу, что ты нуждаешься в дружеском напутствии, ха-ха.

– Толпа народу в душевной комнате! Несколько десятков человек непрерывно с кем-то ругаются по телефонам! Мониторы дореволюционные, ламповые! Бабы беспрестанно сплетничают! Начальник – лемуриец, хитрый, по-моему, как багдадский вор! В столовой жрать невозможно! Кругом одно скотье, от них воняет, они едят руками, ржут как кони над какими-то дебильскими остротами уровня «Васька обоссался»! Я по твоему совету купил себе все эти обноски! Хожу в них и от этого чувствую себя как полное чмо и лох! Никаких денег мне никто нести не торопится! Меня вообще ни к чему такому не подпускают! Я тупо сижу за своим ужасным монитором с повышенным уровнем излучения и изучаю какую-то специальную программу, с которой вся эта толпа народу работает, и всё! И вот так от звонка до звонка! В шесть часов уйти нельзя, не приветствуется, во всяком случае, во время испытательного срока. Сижу, как баран, и до восьми, и до девяти и чувствую, как от всего этого я прямым курсом движусь к маниакальной и агрессивной паранойе! Давай еще врежем по текиле, а лучше бы по ноздре. У тебя есть что-нибудь по первому номеру?

– Гера, давай по порядку. Все совсем не так страшно, как тебе кажется. Разумеется, ты привык совершенно к другим условиям, другому рабочему ритму. Ты привык к личному кабинету, к секретарше, обедам и ужинам в ресторанах и приличным костюмам. Так вот: ничего этого в твоей жизни, которая проходит у тебя, по крайней мере с 9.00 до 18.00 по будням, ничего этого больше не будет. Зато вместо этого у тебя будет много, очень много денег и прекрасная возможность почувствовать всю прелесть двойной жизни, которой ты вынужден будешь начать жить в самое ближайшее время! Эта недалекая девочка, та, которую заменили тобой, она еще здесь, в Москве? Она еще не уехала к себе на историческую родину?

– В том-то и дело, что нет! Она продолжает рулить всеми процессами до сих пор и изредка что-то рассказывает мне, говоря сквозь зубы по несколько предложений в день!

– Вот я точно говорю тебе: скоро все неприятности закончатся. Она обязательно скоро уедет, и тогда тебе, как говорится, станет видна и понятна «вся поляна». Терпи. Как только она

уберет свою жирную задницу... Ведь у нее жирная задница? У всех у них жирные, огромные задницы, которыми они стучат по земле, ха-ха-ха! Так вот, как только она уберет свою жирную задницу, я лично приеду к тебе с официальным визитом, якобы для знакомства, и это будет для тебя очень сильной моральной поддержкой, во-первых, и признанием твоего авторитета в глазах всей этой окружающей тебя толпы, во-вторых. Кстати, насчет душевной комнаты и толпы народу, который шумит. Ты же, наверное, видел репортажи с какой-нибудь из мировых бирж? Ну там, с Лондонской или с Токийской, например? Вот там действительно орут! И так, что неподготовленный человек, думаю, получил бы инфаркт мгновенно, не сходя с места. А эти ничего, привыкли. И ты, мой друг, привыкнешь, можешь не сомневаться.

– Как к такому можно привыкнуть? Не знаю...

– А ты поставь перед собой цель. Только цель должна быть такой... глобальной, что ли. Настолько глобальной, что все эти мелкие помехи перестанут досаждают тотчас же! А цель у тебя на такой работе может быть только одна – это наколбасить как можно больше денег. Сколько ты нажил в «Рикарди?»

– Два с половиной...

– А сколько осталось?

– Тысяч триста... Но это в Лондоне, в банке. Здесь, быть может, штук двадцать, не больше.

– Н-да... Погулял ты, господин Кленовский. Погулял крепко. Я даже не представляю, куда можно просадить такую кучу денег всего за год!

– Да все ты представляешь: Париж, Ницца, кокс, девки. Хорошо, хоть квартиру успел купить. Есть где жить. Ты же слышал, что от меня Машка ушла? А я после развода углов пять поменял, кажется, разных. Сейчас живу, как суслик в пустыне: голые стены, плазменный телевизор размером с футбольное поле, кровать и «лампочки Ильича» на потолке вместо люстр. И по ночам Машка с детьми снится.

– Скучаешь?

– А ты как думал? Да ладно... Мне из того колодца больше не пить. Хорошо, что хоть с детьми вижусь по выходным. Сам виноват, чего там говорить-то! Машка терпела долго, пока от очередной моей зазнобы СМС-ку не прочла случайно, типа: «Приезжай, Геруся, я вся теку». А я телефон дома забыл. Прихожу, а в коридоре стоит чемодан и на нем лежит записка с одним словом «уходи», а сверху телефон с той самой СМС-кой... К черту! Давай выпьем! Душа болит. Я это чувствую, представляешь?!

– Верно говорят, что беда одна не приходит. И Маша, и с работой у тебя... Но ведь прошло? Ведь все это уже в прошлом? Ведь ты это пережил? Не сторчался, не спился! Привыкнешь. Все будет хорошо.

– Спасибо тебе, Леша, за добрые слова. С тобой поговоришь, и чувство такое, будто дырку в черепе стальной нашлепкой прикрыли и не сквозит в мозгах больше. Спасибо, старый друг. Цель хорошая. Ради нее и потерпеть можно. То есть – ты предлагаешь не заморачиваться по поводу всей этой офисной чепухи, а видеть впереди только ящик, на котором нарисовано число с шестью нулями, и постоянно двигаться к нему?

– Именно!

– Здорово... Я только, знаешь ли, одного боюсь.

– Чего же?

– Того, что, увлекшись, можно, не особенно разбирая дороги, ведущей к ящику, забрести в болото, да и утонуть в нем к чертовой матери совсем. С концами, как говорится.

– Аккуратность и Конспирация – вот две лучшие и верные подруги настоящего закупщика. Ты уже начал дружить с Конспирацией, напялив на себя лохмотья и втиснувшись в эту death-car. Осталось расположить к себе Аккуратность, соблюдая все внутренние правила жизни в офисе, не выделяясь ничем на общем фоне, держа язык за зубами и поддерживая

идеальный порядок в рабочих документах и файлах. Протоколируй все! Каждую встречу с каждым поставщиком. Втирай очки начальству, выставляя свою чрезвычайную аккуратность перед собой как свое несомненное достоинство. И помни о ящике с нарисованным на крышке длинным числом, эквивалент которого в надежной валюте ждет тебя внутри.

«Шестерка»

Через неделю, как и предсказывал Калугин, крупнополая лемурийская девушка по имени Зайнаб покинула столицу нашей родины и вернулась в свой родной город с кривыми улочками, христианскими храмами, переделанными в мечети, плохими ресторанами и террористами, злобно жаждущими взорвать хоть кого-нибудь. По случаю ее отъезда в офисе имела место быть небольшая пьянка, на которой присутствовал и Герман. Выпив бокал какого-то дешевого и кислого грузинского вина, от которого у него мгновенно заболела голова, он отошел в сторонку, прислонился к стене и, взглянув на сборище довольно гогочущих лемурийцев, подумал:

«Лемурия – мусульманская страна. Терроризм в ней – это явление, возведенное в ранг государственной политики «по умолчанию». Лемурийцы воинственны, но глуповаты и предпочитают нападать первыми, не особенно заботясь об обороне. Несколько раз Лемурия участвовала в военных конфликтах с нашей страной, и всегда мы крепко надирали ей задницу. Каждый раз, перед тем как вновь с позором ретироваться с поля сражения, а вернее, убежать без задних ног, лемурийские военачальники хвастливо заявляли о «скорой победе над русскими свиньями», но вскоре сами, подобно свиньям, трусливо хрюкая и оставляя за собой дурно пахнущие кучки, улепетывали в свою маленькую злобную страну. Россия всегда была Лемурии не по зубам. Но не надо думать, что Лемурия отказалась от своих притязаний на русские земли! Дай только волю – и лемурийцы вырежут у нас полстраны, как когда-то, около ста лет назад, вырезали своих соседей горян. Впрочем, в геноциде горян лемурийцы не признаются до сих пор и заявляют, что ничего подобного они не делали и все это подлейшие выдумки самих горян, которых в той резне погибли многие тысячи. Лемурия очень хочет показаться остальному миру цивилизованной и вступить во влиятельные межгосударственные организации, но ее никуда не пускают. Напоминают о горянах и о том, что именно в Лемурии появился фанатик, чуть было не ухлопавший одного очень высокопоставленного христианского церковного деятеля, половинки мизинца которого не стоит вся Лемурия вместе взятая. Террористов готовят в лемурийских «спецшколах по выпуску террористов», и лемурийцы наивно полагают, что ни ФСБ, ни ЦРУ, ни МИ-6 знать об этом не знают. Для того чтобы участие государства в деле подготовки террористов было недоказуемым, с лемурийской точки зрения, прошедшим полный курс обучения террористам разрешают в качестве дипломной работы рвануть что-нибудь «в легкую» на территории самой Лемурии. Этим власти страны преследуют, как им кажется, две цели: во-первых, новоиспеченные террористы практикуются перед настоящими, крупными диверсиями, во-вторых, лемурийская пропаганда начинает вопить о том, что, дескать: «Смотрите! У нас тут тоже взрывают! Мы тоже пострадавшие! А вы говорите о каких-то горянах! Да мы и мухи не в состоянии приклепнуть нашей загнутой лемурийской туфлей, а уж какие тут горяне, какой уж тут геноцид?!» Тот факт, что в момент этих «контрольных» и «зачетов» по террористическим дисциплинам гибнут собственные граждане, лемурийское правительство нисколько не волнует. Человеческая жизнь в странах подобных Лемурии не стоит вообще ничего. Ярые поборники террора из ЦРУ, разумеется, обо всем этом знают, но Лемурия держит у себя американские военные базы, с которых так удобно летать и бомбить Ирак, Югославию, а будет нужно, то и Россию, и принципиальные американцы засовывают свои принципы подальше и просто молчат. Вот так».

Вечеринка закончилась. Все разошлись. Герман уехал в свою пустую квартиру без занавесок и абажуров, а наутро, придя в офис, он понял, что все изменилось. Его телефон звонил непрерывно. Поставщики наседали с одним-единственным вопросом: «Скажите, когда нам заплатят деньги?» Дело в том, что «Ромашка» отличалась, да и по сей день отличается, тем, что товар у своих поставщиков берет с огромным удовольствием, а вот расплачиваться за него

совсем не торопится. А зачем? Не лучше ли, чем брать кредиты в банках под высокие проценты, просто и безболезненно бесплатно кредитоваться за счет поставщиков? Вернее, кредитом это назвать нельзя. Это такой беспроцентный и практически бессрочный займ. Кто-то не выдерживает и подает в суд. Тогда лемурийцы, источая целые тучи праведного гнева, возвращают деньги, но и работать прекращают. И ничего тут поставщикам особенно не поделывать. Хочешь – работай. А не хочешь – катись себе колбасой вдоль по улице мимо очереди таких же, как ты, заложников ситуации. Они с большим удовольствием займут твоё место.

Но если бы все поставщики так работали с «Ромашкой», то уже давно бы обанкротились. Герман прекрасно это понимал, но не знал, с кого именно начать вводить в действие свой изумительный план личного обогащения. Тогда он решил провести с каждым из поставщиков переговоры и исключительно на уровне интуиции сделать для себя первоначальный вывод: стоит ли продолжать «окучивать» поставщика дальше или же это может закончиться плачевно для будущей карьеры. Он прекратил давать обещания назойливым менеджерам торговых компаний о том, что «обязательно когда-нибудь заплатит», и попросил их пригласить к нему их руководителей, причем желательно собственников бизнеса, «для делового знакомства». Таких встреч Герман провел множество. Деловые знакомства происходили одно за одним, раз по пяти на день. К концу второй недели он составил для себя список из шестнадцати компаний, акционеры которых, по мнению Геры, были «нормальными мужиками», между которыми, впрочем, затесались: одна очень милая и приветливая женщина по имени Марина Бутылина и еще одна девушка, о которой мы расскажем позже. Марина прожила фантастически сложную жизнь: она и ее первый муж были военными и служили в Афганистане. Она была переводчиком, он был пилотом вертолета. Она переводила перехваченные радиogramмы душманов, а ее мужа подбили и замучили в плену те же самые душманы, о чем она и узнала из очередной перехваченной советской войсковой разведкой радиogramмы. Она многое вынесла – эта маленькая миловидная женщина не сломалась, и судьба преподнесла ей подарок в виде мужа-американца, миллионера-яхтсмена, и сынишки-гения, родившегося в этом счастливом браке.

Герман пришел домой, уселся за приобретенный недавно письменный стол, включил настольную лампу. Вытянул из стопки несколько больших чистых листов бумаги. Аккуратно разрезал их на четвертинки. Затем написал на каждом название одной из этих шестнадцати компаний и разложил все шестнадцать бумажек так, как обыкновенно раскладывает коварный профессор билеты перед экзаменом, с той только разницей, что содержимое билетов не было скрыто. Наоборот, на Геру смотрели все эти шестнадцать «ООО», и ему предстояло решить: с какими из этих «ООО» он продолжит вести «интересный» диалог, а с какими, кроме официальных контактов, у него никогда и ничего не произойдет. Он брал со стола по одному прямоугольнику, близко подносил его к глазам так, что буквы сливались. Затем удалял его от глаз на расстояние нормального для зрения фокуса и вновь подносил бумагу к глазам. Делая так, он словно медитировал, детально вспоминая все особенности встречи с тем или иным из акционеров этих «ООО», их лица, жесты. Анализировал манеру разговора и, что самое главное, свои личные ощущения от общения с тем или иным потенциальным «донором», так он назвал про себя всех тех, с кем решил вступить в интимные отношения на почве откатов. После такого рода анализа восемь бумажных прямоугольников были скомканы и с шумом решительно смыты в унитаз, а восемь оставшихся должны были выдержать еще одну проверку.

На вторых встречах Гера, не особенно-то оригинальничая, задавал один и тот же вопрос: «Проясните, пожалуйста, вашу позицию?» Это был совершенно очевидный намек на откат, совсем как тайный язык некоего секретного общества. Он знал, что те, кто владеет этим специфическим сленгом, поймет смысл фразы. Поняли шестеро. С тех самых пор эта шестерка и стала основным источником доходов нашего Германа.

Еженедельно, по понедельникам, отделу, в котором он трудился, приносили из финансового управления один документ. С виду ничего особенного: всего одна бумажка, а на ней одна-

единственная цифра. Документ назывался: «Weekly Budget» и содержал сведения о сумме, выделяемой для оплаты поставщикам. Сумма вычислялась нехитрым путем и составляла всего-то от силы пятнадцать процентов от недельных продаж. Больше прижимистые лемурийские финансисты никогда не давали, за исключением кануна Нового года. Частенько и этих пятнадцати процентов не было. Гера тихо получал свою циферку от общей цифры, скромно уходил в свой уголок, садился за стол и начинал высчитывать, кому и сколько он выделит на оплату. Сперва шла «большая шестерка», так он сам называл ее про себя. На каждого из ее членов приходилось как минимум десять процентов того, чем располагал Гера, так что после «большой шестерки» всем остальным поставщикам почти ничего не оставалось, и им перепали крохи. Герман всегда помнил напутствие Калугина о необходимости соблюдать конспирацию, и всю «шестерку» в общий список почти никогда не включал, дабы не вызвать подозрений у своей вороватой и подловатой начальницы, о которой стоит сказать несколько слов отдельно.

Лариса

Закупщиками, как правило, руководит какой-то промежуточный между ними и коммерческим директором начальник. «Ромашка» в этом отношении исключением не была. На должности так называемых «group manager» назначались, как правило, только лемурийцы или бабы, делящие с ними постель. Этим баб так и называли «лемурские соски», а чаще просто «лемурийские шлюхи». Лемурийские мужчины всегда были крайне похотливы и охочи до российских женщин. Оно и понятно! Стоит приехать в Лемурию, воочию увидеть тамошних красоток, и романтическое желание смотреть на женщин, как на прекрасные цветы, увянет надолго. Подобно большинству южных дам, лемурийки уже к двадцати пяти годам начинают полнеть, а к тридцати, времени расцвета наших прекрасных женщин, лемурийки превращаются в безнадежные бесформенные колоды. Попадая в Россию, лемурийский мужчина совершенно теряет голову от такого обилия женской красоты и пускается во все тяжкие, начиная, как правило, с того, что скоростно разводится со своей лемурийской половиной. Затем, в ряде случаев, следует брак с россиянкой, общие дети, быт и отъезд счастливой пары обратно в Лемурию с, порой, грустным возвращением разочаровавшейся женщины обратно в Россию. Чаще же всего лемурийцы имеют сразу по нескольку любовниц, законными узами быть связанными не слишком торопятся и чувствуют себя превосходно. В знак благодарности эти темпераментные и признательные мужчины стремятся обрадовать и возблагодарить своих фей и довольно часто устраивают их на руководящие посты в компаниях, имеющих отношение к лемурийскому бизнесу. Начальница Германа исключением не была. Путем каких-то женских немудреных хитростей она оболестила знатного лемурийца по имени Йохан, проводившего в то время инспекцию на стройке в ее родном южном городе. У «дочки пасечника», как она сама себя иногда с гордостью называла, это, возможно, был единственный шанс разменять улицу Красная, центральную улицу того самого города, на Бульварное кольцо и Тверскую. Йохан работал в Москве в какой-то лемурийской строительной организации, и Лариса, так звали эту слегка перезревшую южнорусскую чаровницу, вцепилась в него мертвой хваткой провинциальной тигрицы. Из своей инспекционной поездки Йохан вернулся с невестой, вскоре они поженились. Как и любой мужчина, да еще и восточный, Йохан жаждал поскорее заполучить наследника, но у Ларисы с этим были какие-то проблемы. Из-за трудностей на почве репродукции она буквально сходила с ума, и ее южнорусский характер, который и так-то, как известно, не подарок, совершенно испортился. К моменту знакомства ее с Германом Лариса представляла собой законченную стерву, и Гера понял, что она и есть его самая большая головная боль на новом месте. Все его попытки как-то подстроиться под чертовку Ларису успеха не имели. Никаких неформальных контактов наладить не получалось, и мало-помалу между Герой и краснодарской пасечницей установилась глухая взаимная ненависть, только и ожидавшая прорыва через образовавшийся кратер. Один из членов «большой шестерки», человек, осведомленный в различного рода интригах и коллекционер сплетен, как-то рассказал Гере о том, что эта самая Лариса сама является страшной откатчицей.

Однажды, во время традиционной еженедельной встречи, проходившей в ресторане «Ки-Ка-Ку», где, как известно, изрядная китайская кухня и пара прелестных живых экзотических уточек расхаживают прямо по залу, этот самый знаток интриг по имени Влад, передав Гере под столом пухлый конверт с деньгами, заявил:

– Знаешь, Герыч, я ведь про эту твою начальницу много чего могу рассказать.

– Давай-давай! Очень интересно!

– Она у вас руководит всей товарной группой «food», то есть «продовольственные товары», около пяти лет, правильно?

– Ну, как-то так. Да. Получается, с самого начала, с самых первых дней деятельности «Ромашки» в Москве.

– Она за это время наработала отличные откатные связи с несколькими компаниями. Здесь и «колбасники», и «консервщики», и «бакалейщики», и «кондитеры», и много кто еще. Вот только с «алкоголиками» у нее как-то не сложилось. А знаешь, почему? Это все из-за моей конторы. Она нас одно время попыталась, что называется, «придушить», а я своим эсбешникам приказ отдал на нее компромату набрать.

– И что, собрали?

– Да оказалось легче легкого! В «Ромашке», чтобы ты знал, никакой службы безопасности отродясь не было. Менты на входе не в счет – это просто наемная охрана. Поэтому никто особенно свои солидные приобретения, скажем в недвижимости, скрывать не торопится. Эта Лариса за три года насобирала до того неплохо, что построила два дома в ближнем Подмосковье, а в самой Москве купила четыре огромные квартиры в элитных новостройках. И все оформлено на нее, представляешь!

– А как же ее лемур?

– Да и он тоже хорош! Он в «Ромашке», после того как со стройки сбежал, занимается распределением мест аренды. Помимо магазина есть же еще огромные площади в торговых центрах, которые сдаются в аренду всяким магазинчикам, ресторанам, лавочкам со всякой ерундой, и так далее. Так там откаты за распределение этих площадей тоже бешеные! Короче, колбасят они вдвоем, да так, что только звон стоит. Он – гражданин Лемурии, на него оформить никакую собственность в России невозможно, и поэтому они все записывают на Ларису. На работу они ездят на служебной «Реношке», а у самих бабла на «Майбах» хватило бы. Не светятся, естественно. Ну и, разумеется, кокаин. Без него тоже не обошлось.

– Да неужели? То-то мне пару раз показалось поведение странным, а вернее, до боли знакомым: глаза навывкате, чрезмерно возбужденное состояние... Вот в чем, оказывается, дело.

– Чудеса бывают? Так вот, я к ней пришел на переговоры. Сели мы за стол. Она и начинает мне задвигать, мол, «ваши условия для нас невыгодны», а я ей так ненавязчиво листочек, где все ее художества записаны, подаю и говорю: «Если вы не против, то у нас к этому листочку и перевод имеется на лемурийский язык. Для того, чтобы руководство ваше в самой Лемурии сразу поняло, о чем идет речь. И копии всех ваших документов о собственности. Так что давайте лучше с вами жить дружно».

– А она?!

– А у нее вся кожа пошла красными пятнами, от нее даже пахнуть стало как-то неприятно. Запах страха – он вообще-то неприятный. Короче, опуская подробности, скажу, что я все свои проблемы устранил, она пошла на уступки и больше нас никогда не трогала. Причем, видимо, у нее такой стереотип выработался по отношению ко всем алкогольным компаниям. Точно знаю, что она ни у кого из нашей отрасли на интересе не сидит. Побаивается. А тебе страшно завидует.

– Она разве что-то знает?!

– Знала бы наверняка, ты бы уже сидел дома. Догадывается. Да тут и догадаться – не великим умом надо обладать. Согласись, что, имея зарплату в семьсот долларов, не брать откаты невозможно. Да еще, к тому же, сидя на самом золоченом стуле из всех в твоём отделе. Я прав?

– Прав. И что мне делать прикажешь? Она меня достала своими придирками. Иногда хочется опустить ей монитор на голову, чтобы эта голова больше никогда ничего не сказала.

– Гера, держись. Крепчать надо. У тебя цель есть?

– Есть. Накосить побольше бабла и уехать отсюда навсегда.

– Ну так и помни о ней. А со вздорными бабами не спорь. Здесь лучше промолчать.

– Да я в курсе. Влад, я тебя, кстати, попросить хотел...

– О чем?

– Ты мне сейчас два процента платишь за оплату согласно условиям договора, так? Я хочу тебя попросить увеличить ставку. Денег выделяют мало, долги растут как снежный ком, и ты сам понимаешь, что мой бюджет становится все дороже.

– Сколько же ты хочешь?

– Четыре процента.

– Ну ты и засранец! Откуда я тебе четыре процента возьму?! Мне это экономически невыгодно.

– Слушай, не пудри мне мозги, ладно? Я тебе плачу как часы, у тебя в договоре прописано, что ты должен от «Ромашки» получать деньги через сорок пять дней после поставки товара, и ты их получаешь иногда даже раньше.

– Да пожалуйста! Но я тогда должен буду цены поднять, ты же понимаешь?

– Намного?

– Процента на четыре как минимум. У нас с тобой расчеты безналичные, а нал с каждым днем все дороже стоит, поэтому ты поднимаешь на два, а я на четыре.

– Да и поднимай. Мне по хрену, если честно.

– У тебя на полке цена будет выше, чем у остальных. Не страшно?

– Да брось, кто за этим смотрит?

– Гера, откуда в тебе эта дурашливая уверенность? Ты сидишь на мешке с золотом, а за тем, кто сидит на мешке с золотом, всегда смотрит не одна пара глаз. Любой твой шаг оценивают, анализируют, заранее подозревая тебя в намерении несправедливо нажиться. Делают выводы, концентрируют информацию и затем, предоставив ее в соответствующем виде твоему руководству, добьются твоего вылета. И будешь ты вместо мешка с золотом восседать на куче дерьма.

– Влад, ну я не знаю тогда, что мне делать. У меня денег очень мало. Отдавать этот мизер за два процента для меня крайне невыгодно.

Влад задумался. Отхлебнул из чайной чашки тончайшего фарфора. Поднял чашку на уровень глаз и зачем-то внимательно поглядел на нее. Наконец со вздохом поставил чашку на блюдце.

– Красивая чашка. В красивом ресторане и чашки красивые. Следят за мелочами ребята. Молодцы. Красивая чашка. И не дешевая, кстати. И чай в этой чашке не дешев. Хотя он такой же, как и везде. Просто чашка сделала его дороже. Вот видишь, Герман, я человек не бедный, я просто люблю этот сорт чая и везде заказываю именно его. А делаю я это почти каждый день, так как я каждый день обедаю в разных ресторанах. И поневоле запомнил, сколько и где он стоит. Чисто автоматически. А если человек каждый день в твоём магазине покупает одну и ту же бутылку водки, то ему не безразлична ее цена, и как только она увеличится, он перестанет эту бутылку у тебя покупать. Надо тебе это? Думаю, что нет. А мне тем более этого не нужно. Я стану у тебя меньше продавать и больше за это платить? Я похож на идиота?

– А я?

– Гера, ты жесткий переговорщик, черт бы тебя побрал, прости за выражение. Тогда мне придется поднять цены везде, ты это понимаешь?

– Ну и что? Поднимай.

– Это долго и сложно.

– Влад, еще раз тебя прошу: ну не еби ты мне мозги! Что долго?! Что сложно?! Да ты так же, как со мной сейчас, ты так же встречаешься с целой толпой моих коллег. Я что у тебя, один-единственный на откатах сижу?! Да я уверен, что все! Ну или, во всяком случае, процентов девяносто закупщиков, так же, как и я сейчас, получают от тебя такие же конвертики. Ты знаешь, я бы назвал наш цех, наше сообщество закупщиков «Клубом Любителей Белых Конвертов», сокращенно КЛБК, а для конспирации КОЛОБОК. Все мы, закупщики, вот такие

вот «колобки». От бабушки ушли, от дедушки ушли и к тебе пришли за денежками! Дай нам конвертик, дядя Влад!

– Ладно, не паясничай... Договорились.

– Тогда присылай мне письмо с официальным обоснованием повышения цен прямо завтра, и я все одобряю.

– А Лариса твоя не должна это письмо подписать разве?

– Оно как раз для нее.

Влад усмехнулся, жестом подозвал официантку в красном кимоно, попросил ее принести счет. Закурил, выпустил несколько колечек дыма вверх и вдруг рассмеялся.

– Ты чего хохочешь?

– Знаешь, Герман, всегда находится кто-то, кто за все платит. И за эти четыре процента и вообще за все откаты. Народ за все и платит. Все откаты ложатся на плечи рядового потребителя. Получается, что ты должен всему народу!

– Да отвали ты, демагог хренов. Поживи на семьсот долларов в месяц, тогда говори про народ.

– Так живут! Тот же народ и живет! И не на семьсот живет! А на гораздо меньше! В деревнях, вон, вообще люди на натуральное хозяйство перешли: там деньги – это такая редкость, что деревенские друг другу рассказывают, как пятьсот рублей выглядят, а кто видел тысячную купюру, тот на завалинке в авторитете!

– А зачем мне равняться на того, кто на завалинке сидит? Знаешь поговорку: «Не учился, так ворочай, в жопу ебанный рабочий!»? И не надо тут уравниловкой заниматься. Я, видишь ли, выпускник МГУ, а не слесарь Метростроя.

– Надо же! Какая классовая ненависть! А у самого небось дедушка первые колхозы создавал?

– Да не без этого. Только заметь, что он их создавал, но сам колхозником не был и за трудодни в виде палочек не работал!

– Знаешь, ты мне чем-то напоминаешь американца.

– Кого? Это еще почему?

– А у них с молоком матери всасывается на всю их долбаную жизнь, что они – не больше и не меньше как повелители этого мира. Высшая нация на земле. Они в этом от фашистов мало чем отличаются: новые арийцы, заигравшиеся в демократию. Причем их демократия, на мой взгляд, мало чем отличается от доктрины национал-социализма, выраженной в агитках Геббельса наподобие той, где: «Честными и порядочными мы должны быть только по отношению к самим себе». Страна фашиствующих лицемеров, неоправданно считающих себя единственными, кто вправе вершить суд над целыми народами. Вот и ты мне чем-то напоминаешь такого же новоиспеченного арийца. Чего ради ты считаешь, что слесарь Метростроя хуже, чем ты сам? Тем лишь, что у него нет денег на кокаин и стресс он снимает с помощью бутылки водки за шестьдесят рублей, а не коньяком выдержки ХО?

– Хотя бы!

– Нет уж, дорогой мой Гера! Никогда не суди о людях свысока, тем более рассуждая с позиции своего достатка. Деньги – не предмет. Воду нельзя назвать предметом: утекла сквозь пальцы, и все. И стал ты таким же, как все те, кого ты презирал.

– Влад, ты просто какой-то Савонарола – безумный проповедник, которого в конце концов сожгли за то, что он чересчур много говорил о том очевидном, с чем никто не хотел мириться.

– Так ты согласен со мной? Не надо столь пренебрежительно отзываться о людях. Это лишь множит всеобщую ненависть. Главный капитал – это умение спланировать людей вокруг себя. Тот, кто этим умением владеет, никогда не станет прозябать в бедности.

– Хочешь, чтобы я сколотил вокруг себя секту последователей? И чему же я стану учить? «Откатничайте и наживайтесь – и будет вам счастье, братья и сестры»? Люди неравны между собой изначально. И это нормально. Пусть слесарь живет в пятиэтажке с видом на свалку, а я буду жить в пентхаусе.

– Живи! Никто тебе не запрещает же. Просто мысли свои о неравенстве держи при себе и вслух их никогда не высказывай. Слова, видишь ли, материальны, и в особенности плохие. Почва у тебя под ногами зыбкая. По сути – это даже и не почва, а болотная трясина. Если ты не тонешь прямо сейчас, то, значит, стоишь на кочке, но тебе необходимо двигаться дальше. Перепрыгивать с кочки на кочку, чтобы в конце концов когда-нибудь ощутить под ногами твердую землю. А при прыжках с кочки на кочку нужно внимательно глядеть вниз, не то можно промахнуться. Твоя же голова гордо задрана вверх, а задача у тебя – не утонуть.

– Признаться, Влад, ты меня загрузил под самый чердак. Даже и не знаю, что тебе ответить. А как же живут всякие там олигархи, политики, светские бездельники?

– Ты имеешь в виду нашу страну? наших олигархов, наших политиков и наших светских бездельников?

– Ну, в общем-то, да. А разве они чем-то отличаются от остальных?

– Не готов говорить о различиях, но думаю, что дается тем и не забирается обратно лишь у тех, кто не думает о слесаре Метростроя как о полном говне.

– Да я думаю, что они вообще о нем не думают, если честно.

– Ты ошибаешься. Олигарху нужен этот слесарь, он на него работает. Политику он нужен, он за него голосует, а светские бездельники вообще не проживут без него, так как им не перед кем станет пиариться. И все они, заметь, все зависят от него. А если огульно называть народ «стадом» или «быдлом», то это самое «стадо» может и затоптать, чего доброго!

Влад откинулся назад так, что передние ножки стула повисли в воздухе, скрестил руки на груди и внимательно поглядел на казавшегося озадаченным Германа. Вдруг он неожиданно расхохотался:

– Да ладно, ладно. Шучу я. А вот и счет принесли. Ну что, по домам, как говорится?

– Да, пожалуй. Не очень я верю в то, что ты пошутил, но если ты затеял весь этот разговор для получения моральной компенсации за прибавку в два процента, то ты редкостный засранец.

– Не передергивай. Ладно, давай, до встречи.

Первая крыса

Тщательно отбирая кандидатов в «большую шестерку», Герман постарался, чтобы конкурентами они не являлись. «Коттон Маус» поставлял ассортимент, который сам Герман называл про себя «шелухой». Это были мало кому известные вина, какая-то текила, ликер в бутылке, похожей на омлет, якобы французский коньяк и еще что-то «под бренд». Вначале Герман, привыкший в «Рикарди» к строгой классике алкогольного рынка, с недоумением рассматривал каталог «Мауса» со всеми этими непонятными ему нелепостями, от которых за версту разило контрафактом, но похожий отчего-то на малайца желтым цветом лица администратор «Коттон Мауса» по фамилии Татаренков привел один неопровержимый довод. Потупив глаза, он тихо сказал:

– Герман, вы же понимаете, это для народа. Цены-то, сами видите...

– Как понять это ваше «для народа»? Вам что, наш народ чем-то не угодил?

Татаренков застенчиво покраснел и начал оправдываться:

– Что вы! Что вы! Ведь это наши покупатели! Я просто не так выразился! – Он беспомощно задвигал своими большими и враз вспотевшими ладонями по столу, отчего на его гладкой полированной поверхности появились следы, словно по столу только что проползла компания огромных слизней. – Я хотел сказать, что наш ассортимент ориентирован на людей с достатком как средним, так и ниже среднего! Хочется выпить чего-нибудь заграничного, скажем, коньяку, а на настоящий бренд нет денег. Так вполне можно купить и наш коньячок, ведь на нем тоже написано, что он сделан во Франции! И бутылочка красивая, видите? И стоит он при этом в три раза дешевле, чем бренд.

– А внутри-то что? – Герман усмехнулся, заранее предвкушая ответ.

– Внутри? Ну, внутри все не так уж и плохо.

Затем большерукий Татаренков, еще больше покраснев, написал на листе своего ежедневника цифру «2%» и аккуратно показал ее Герману, выразительно поглядев на стены и потолок, словно намекая на возможное аудионаблюдение, установленное в переговорной комнате «Ромашки».

Герман отрицательно повел головой, в своем ежедневнике написал цифру «5%» и так же аккуратно показал ее Татаренкову, при этом не менее выразительно поглядев на стены и потолок.

Стол под ладонями Татаренкова превратился в лужу. Он принялся ерзать на стуле, зачем-то сломал карандаш, смутился до крайней степени и согласно кивнул.

Герман кивнул в ответ, театрально поднял вверх указательный палец и произнес:

– Никогда не отзываетесь пренебрежительно о народе! Иначе провалитесь в болото.

– В какое, простите, болото?

– Неважно. Подписывайте договор и привозите в секретариат. Думаю, что все у нас будет хорошо.

– Спасибо, Герман. Большое вам спасибо.

И Татаренков покинул переговорную комнату, а Герман поскорее открыл форточку и вызвал уборщицу.

Так компания «Коттон Маус» стала членом «большой шестерки» под номером «шесть».

Номер один... О! Этот номер один... Искренняя дружба и привязанность на всю оставшуюся жизнь. Нет, не гомосексуальная, а такая, как бы корректно выразиться, просто дружба одного человека с другим. Горячую симпатию вызвал в Германе этот «номер один». За его юмор, этот непрямой признак ума, за его отношение к жизни: одновременно такое легкое и такое глубокое. За его наивность и опыт в том же, в чем и сам Герман преуспел, но никогда ранее не обрекал свои финишные выводы в вербальную форму потому, что для этого

был ОН. Человек, который всегда говорил то, о чем сам Герман думал и к чему возвращался множество раз в своих наблюдениях о жизни. Мужик один, в общем. Кармический близнец. Второе «эго» Германа. Этакий дьявол-зеркало. Дьявол всегда двуличен и несчастен. Почему? Да потому, что он искренен. Герман не симпатизировал всякого рода чертовщине, но род его занятий лежал в сфере интересов именно чертовского холдинга. Алкоголь, табак – этот дуализм, безусловно, сатанинский промысел. На всех своих земных адептов он накладывает соответствующий отпечаток. Как правило – это циничные либертены, с презрительно сжатыми в застывшей навечно гримасе, узкими, словно две нитки, губами. Две линии в смартфоне, «люди двадцать четыре часа он-лайн», готовые загрызть друг друга, если бы такой способ выяснения отношений был разрешен Уголовным кодексом. Двуликие Янусы: на частых вечерних мероприятиях они с показным миролюбием жмут друг другу руки, обсуждают последние корпоративные сплетни, а на следующий день в своих офисах плетут козни против конкурентов. Среди тем таких вот party– сплетен, которые в основной своей массе не более чем словесный мусор, доминирует обсуждение личностей закупщиков из разных сетей. Никто из «людей он-лайн» никогда не признается в том, что сам участвует в системе откатов, так как это: а – незаконно, б – составляет главную коммерческую тайну любой торговой компании. Но вот поддержать разговор на тему: «Этот Юра из «Бэллы» полный мудака и в последнее время, говорят, оборзел и чересчур много просит, пора его сливать» они всегда готовы с большим энтузиазмом.

Номера «один» звали Сергеем. Он долгое время работал на одну известнейшую в московских деловых кругах бизнесвумен, почти постоянно живущую в Италии и в Москве бывающую крайне редко. Сергей ее доверием не злоупотреблял, и, что называется, приход с расходом у него всегда совпадали так, что когда бизнесвумен требовала отчет о проделанной с момента ее последнего наезда в Москву работе, то вопросов к Сергею у нее, как правило, не возникало. Бизнес рос, развивался, бизнесвумен была довольна, а Сергей всегда был, по его выражению, «близок к народу». То есть, его нельзя было назвать «кабинетным столпом». Он лично ездил почти на все переговоры, а уж в «Ромашку», которая являлась VIP-клиентом, он, после того как узнал, что не жаловавшая его компанию Зейнаб смылась обратно в Лемурию, а на ее месте теперь Герман Кленовский – свой брат-жулик, буквально прилетел самым первым, опередив даже Калугина.

Герману он сразу понравился. Да нет же! Ну не в этом смысле, черт побери! И вообще, что же это такое в самом деле! Теперь, когда страна из красной стала голубой, то все время приходится давать пояснения о непричастности к гомосексуализму! Просто Сергей начал диалог не с деловых тем, а с рассказа о своей последней поездке во Флоренцию в компании коллег с работы, о страшной попойке в отеле и незапланированном сексе с директором по маркетингу – дамой бальзаковского возраста. Герман знал ее. Они встречались на каких-то презентациях, и он еще отметил про себя ее раскованную манеру держаться, встречающуюся чаще у разведенных женщин, и милую смешную картавость, и то, как быстро дама пьянеет и с этим быстрым опьянением в глазах ее разгорается похоть. В общем, беседа проходила на понятном обоим языке и на близкие им обоим темы. Будущие приятели хохотали, вполне довольные собой, и как-то само собой со стороны Сергея последовало предложение встретиться вечером в ресторане, и Герман без колебаний его принял. И вот вечером того же дня парочка этих симпатичных друг другу людей сидела в «Моих Друзьях» на Тверской, распивала третью бутылку вина и давно уже без умолку болтала ставшими бескостными от выпитого языками своими, обсуждая и последние сплетни, и стародавние истории. Сергей как раз рассказывал совершенно правдивую историю одного хрестоматийного персонажа по имени Игоречек – бывшего бренд-директора известнейшей и крупнейшей мировой корпорации – производителя безалкогольных напитков. Той самой, которую якобы выбирает новое поколение. Хотя, как известно, новое поколение в лучшем случае выбирает пиво и экстази, а в худшем у него один шприц с «черняшкой» на пятнадцать человек.

- И вот этот самый Игоречек тратил в день только на кокс тысячу долларов!
- Знакомая история...
- Ага. И покупал только самых дорогих проституток из клуба «Night Flight».
- И это тоже проходили...
- А знаешь, над Тверской на крыше дома установлен огромный brand-mover с названием этой самой сладкой водички?
- Конечно, знаю! Он там уже давно стоит, давно глаза мозолит.
- Так вот этот самый Игоречек за то, что контракт именно той самой компании отдал, которая эту штуковину изготовила и смонтировала, получил откат двадцать пять тысяч долларов. А еще он с какими-то грузинами договорился и за полцены им в течение полугода отправлял траки с лимонадом за полцены, а контракты делал левые, якобы для регионов на отсрочку платежа.
- Глупо. Это же абсолютно точное палево!
- А чего ему было бояться? Да к тому же с мозгами, наполовину сожженными кокаином? Компания иностранная, белая и пушистая. Это же не наши бандюки, которые за пять долларов ноги выдернут. Это иностранцы. Они связываться не станут. Вот они и не стали. Не знаю точно, сколько этот перец нажил, но, говорят, уехал он после всего в Европу, да так там и живет.
- Знакомо мне все это, Сергей.
- Да я знаю, – Сергей подмигнул. – Я все знаю, ты же почти так же из «Рикарди» ушел.
- Сарафанное радио?
- Ну а как ты думал? У нас, Гера, мирок тесный. Все про всех знают: кто у кого и сколько, кто с кем и за сколько, и так далее. Ты один из героев сегодняшних сплетен.
- Не сильно-то приятно быть героем сплетен. И что говорят?
- Все злобно недоумевают, насколько ты непотопаем. Обычно после такого скандала человек может рассчитывать максимум на место дворника, а ты не только не переквалифицировался в дворники, но из продаж попал в рай для откатчиков – закупки! Согласись, тут есть отчего некоторым почернеть от зависти. А завистников у тебя девяносто девять процентов среди всех тех, кто знает о твоей такой интересной личности.
- А ты?
- Мне все равно. Ты даже в какой-то степени вызываешь у меня симпатию. У меня, видишь ли, совершенно нет уверенности, что если бы я оказался в твоем положении, то не сделал бы того же самого. Впрочем, черт его знает, к чему сейчас гадать? Ты, кстати, как насчет первого-то? Нюхаешь? А то у меня есть.
- Нет. Бросил. Он мне всю жизнь переломал. От меня из-за него жена ушла с детьми, представляешь! Вернее, меня, идиота, выставила и ни о каком моем возвращении и слышать не хочет. Так что я вовсе не идеальный кандидат для завистников.
- Да брось ты! Так все через одного живут. Первый брак нынче редкость, так что ты как раз скорее правило, чем из него исключение.
- Ты знаешь, Сережа, у меня такое впечатление, что я иду по дороге. Иду уже очень долго, а ты стоишь в ее начале и совсем не представляешь себе, что тебя ожидает. Это я о кокаине, старик. Предпочитаю для снятия стресса и создания позитивного настроения классический способ – алкоголь. Так что ты от меня хотел?
- Герман, мы, как мне кажется, понимаем друг друга и можем говорить без обиняков, не так ли? Так вот: моей фирме очень нужна «Ромашка»! При твоей предшественнице наши дела стали совсем плохи. Денег она нам не платила, нового вина в ассортимент не вводила, постоянно нагружала нас какими-то рекламными акциями, за которые нам еще и платить приходилось, а участвовать в этих акциях нам, в общем-то, было особенно и не с чем. Ведь наиболее ликвидный, продаваемый товар мы в «Ромашку» не поставляем! В общем, моя хозяйка сказала так: «Или вы, Сергей, договоритесь о чем-нибудь интересном для нас, или мне такой

бизнес с отрицательным результатом не нужен». А я, понимаешь ли, у своей хозяйки лицо доверенное! И со всеми остальными сетями у нас все прекрасно! А вот с твоей полный, как говорится, облом. Помоги, а?

– Сергей, я в состоянии, как ты понимаешь, оплатить любой ужин. А по своему предыдущему уровню я мало чем отличаюсь от тебя. Так скажи мне откровенно: я похож на дешевого поца?

– Да нет, разумеется! Я думал, что у тебя появится ко мне какой-то конкретный разговор с конкретными цифрами!

– Смотря что ты хочешь.

– Ну, во-первых, получать деньги вовремя. Во-вторых, расширить ассортимент за счет популярных вин в несколько раз. В-третьих, поставить в твоих магазинах поддоны с вином, чтобы его больше продавалось. В-четвертых, участвовать в действительно выгодных для нас рекламных акциях. Вот, пожалуй, и все.

– И ты готов выслушать, сколько это будет стоить?

– Почему бы и нет?

– Изволь: за своевременный перевод денег я возьму с тебя четыре процента. Это стандартная сумма за услугу такого рода.

– Согласен.

– Прекрасно! Сколько позиций вина ты хочешь мне предложить?

– Ну, не знаю... Позиций десять, как минимум.

– Пять тысяч долларов за каждую.

– Немало...

– Тебя взять в долю?

– Нет, нет! Мне как раз ничего не надо. У меня другая мотивация в собственной компании. Дело в том, что я взял у хозяйки беспроцентный кредит на покупку квартиры, и рисковать собственным жилищем, за которое я еще не расплатился сполна, мне не хочется, равно, впрочем, как и репутацией. Уж извини за откровенность и прямоту. Думаю, что вопрос с пятью тысячами я решу. Продолжай, пожалуйста. Так что насчет поддонов?

– В теме поддонов я не в доле. Договаривайтесь с магазинными работниками. Это их хлеб, они тебе за деньги хоть весь магазин поддонами с твоим вином уставят. Если хочешь, они его вместо молока и кефира станут продавать, только сунь им немножко. Я тебе дам письмо за моей подписью и подписью моего коммерческого директора, которую я организую, а дальше действуй, как говорится!

– Отлично! И последним номером у нас шли рекламные акции. Как быть с ними?

– Здесь вообще все просто. Каждый месяц выходит рекламный каталог, иначе называемый «листовкой»...

– В курсе.

– Расценки за одну фотографию где-то в районе пятисот долларов, но не всегда имеет смысл участвовать в такой вот «листовке». Лучше всего делать это в канун разных праздников, а особенно под Новый год. Вот уж когда от желающих отбоя нет! Я тебе заранее буду говорить о выгодных «листовках», а ты заложи в бюджет, что участие в одном таком каталоге обойдется в пятьсот долларов официально и в тысячу долларов твоему покорному слуге лично. Это себя вполне окупает, поверь мне.

– Вот это ровно то, что я ожидал услышать. Нормальный деловой разговор и предложение. Когда мы можем начать?

– С сегодняшнего дня. Заплати за ужин.

– Само собой. О чем ты говоришь!

– Положение обязывает, видишь ли! Я – золотая курица с такими же яйцами, ха-ха-ха! Не стану платить за ужин ни при каких обстоятельствах!

– Да прекрати ты! Что ты так разошелся-то? Стоит ли предавать этому пустяку такое значение?

– Тошно мне, Сергей. Ведь все это когда-нибудь кончится.

Сергей лишь неопределенно пожал плечами, достал из бумажника несколько купюр, сунул их в планшетку с чеком и закурил. Несколько минут сидели молча, курили, и каждый думал о своем. Герман заметно приуныл.

Вдруг Сергей изобразил внезапное изумление, смешанное с досадой. Он был опытный переговорщик и всегда напоследок держал в рукаве козырного туза, что позволяло ему заканчивать любую, даже самую, казалось бы, безнадежную партию выигрышем. Он лихо хлопнул себя ладонью по лбу так, что на звук шлепка даже обернулись посетители, думая, наверное, что между двумя молодыми людьми возникла пьяная перепалка и один врезал другому по физиономии.

– Гера! Дорогой ты мой человек! Я же совсем забыл! С меня причитается аванс! Тьфу ты, ну вот ведь какой я склеротик все-таки! А ну держи-ка, старик!

И он протянул Герману длинный белый конверт. Не очень толстый, но увесистый, из чего Гера заключил, что в конверте лежат доллары. «На ощупь тысяч пять, – подумал Гера, – очень даже неплохо».

– Спасибо. Ценю оказанное доверие.

– С нашим вам удовольствием. Скажи, Гера, ведь у нас все будет хорошо?

– У нас, Сергей, все будет ослепительно прекрасно, как на Венском рождественском балу...

...Компаньоны вышли на Тверскую. Сергей протянул руку, тут же рядом остановился какой-то лихач на старенькой «шестерке». Сергей скривился, увидев, на чем ему придется ехать домой, но тем не менее сел в «шестерку» и, защемив дверцей полу легкого светлого верблюжьего пальто, укатил к себе в Жулебино, помахав Гере рукой сквозь замызанное грязью стекло. Герман в ответ зачем-то поднял ногу.

Он решил прогуляться по Тверской. Пошел вверх по этой милой московской улице, неторопливо осматривая дома на противоположной стороне. Настроение у него было умиротворенным. В кармане приятно хрустел конверт с суммой, полученной ни за что и от этого еще более приятной, как любая приятная неожиданность. Он с наслаждением закурил очередную сигарету. Внимание его привлекла нищая, ободранная старуха, сидящая на краешке скамейки автобусной остановки. В руках у старухи имелась половина бублика, от которого она отщипывала понемногу и отправляла кусочек за кусочком в беззубый рот. Старуха представляла собой какой-то фатальный контраст с такой нарядной и модной Тверской улицей. Герман невольно остановился и уставился на старуху, держа руку с дымящейся сигаретой на отлете и сомкнув пальцы, отчего стал напоминать молодого певца Муслима Магомаева. Старуха исподлобья глянула на него, очертила свой рот с голыми черными деснами и, перекрыв все звуки Тверской, хрипло прокаркала, протянув в сторону Германа скрюченный грязный палец, больше напоминавший коготь грифа-падальщика:

– Крыса. Крыса бежит, а ее давят. Ха-ха-ха, – старая ведьма зашлась безумным сатанинским смехом. – Давят! Из нее кишки так и лезут, так и лезут кишочки-то!

Герман отчего-то не удивился. Он разжал пальцы, и недокуренная сигарета упала на асфальт, подошел к старухе и, сложив пальцы, только что удерживающие сигарету, в «дулю», поднес ее к самому старухиному носу:

– Хрен тебе, старая карга. Засунь себе свое адское пророчество в свою долбаную прореху. Кассандра доморошенная, мать твою!

Обалдевшая от такой реакции старуха поперхнулась очередным куском бублика и захрипела, комкая впереди себя воздух левой рукой, при этом правой ухватив себя за шею.

Герман выпрямился и процедил:

– То-то же, мразь. Будешь знать, как нормальным пацанам вечер обламывать. Я из тебя самой кишки выпущу за такие речи, чертова ведьма!

И пошел дальше. Отошел шагов на пятьдесят и услышал, как бабка, перейдя на визг, заголосила вновь:

– Крыса!

Герман сплюнул и ускорил шаг. Вскоре он перестал слышать ее.

Пудинг с длинными ногами

«Номер два» появился неожиданно. Герман заполнял какие-то таблицы в «Excel» и с головой ушел в работу, а вернее, почти влез головой в монитор. На сто пятьдесят восьмой ячейке он сбился, почувствовав, что кто-то стоит рядом с его столом и при этом еще и великолепно пахнет духами «DG», на которые у Германа была реакция пчелы на неопыленный цветок. Скосив взгляд влево от стола и вниз, он увидел вначале две изящные туфельки, из которых росли куда-то бесконечно вверх красивейшие ноги. Молниеносно рассудив, что там, где кончаются ноги и начинается шея, его ждет что-то совершенно выдающееся, Герман почти вплотную подъехал на стуле к их обладательнице, так и не меняя своего согбенного положения, и стал медленно поднимать голову, как бы изучая всю фигуру пришедшей снизу доверху. Его взгляд проследовал от ног к полной груди, слегка задержался на ней, пошел дальше и наконец остановился на милом женском лице, которое украшала белозубая улыбка величиной почти в половину этого лица и огромные голубые глаза величиной почти что с другую его половину. Остальное занимал небольшой точеный носик и лоб, уходивший под челку рыжих волос. Сами же волосы, длиной до плеч, слегка вьющиеся, оказались настолько пышными, что число их было очевидно бóльшим, чем число деревьев в Уссурийской тайге, что окончательно давало уверенность в том, что перед ним не что иное, как оживший персонаж из японского мультфильма. У Германа от этого зрелища непроизвольно открылся рот и слова, о которых он тут же, впрочем, забыл, застряли в горле. Незнакомка, разрушив все догмы о пропорциях и их соответствия понятию красоты, улыбнулась еще шире и проворковала:

– Герман, меня зовут Светлана. Директор компании «Пудинг». У меня с вами назначена встреча вот прямо сейчас. Вы не забыли? А мы с вами договаривались по телефону два дня назад! – И девушка так очаровательно и застенчиво покраснела, что Герман, окончательно утративший дар речи, лишь промычал что-то, кивнул несколько раз, выражая тем самым согласие, и протянул руку по направлению к переговорной комнатке, приглашая Светлану пройти в нее. Ассистентка Германа, девушка с тяжелой челюстью и ленивыми манерами, до этого выказывавшая ему всяческие знаки внимания, в тот момент как раз ела шоколадку и запивала ее чаем. При виде такого вопиющего попрания ее надежд на взаимность Германа «какой-то проституткой» Оксана, так звали ту ассистентку, поперхнулась, и жидкая смесь чая и пережеванного растопленного шоколада, вылетев изо рта, с космической скоростью перелетела ее стол и стол напротив, за которым сидел другой ассистент Германа – юноша с немного вывернутыми, как у африканца, губами и похожий на революционера-разночинца, – покрыв лицо и белую рубашку этого ни в чем не повинного молодого человека коричневым камуфляжным рисунком. В отделе на мгновение умолкли все звуки, а уже через секунду, все нарастая и нарастая, раздался гром. Это был смех клерков, который все более усиливался, а Герман, втайне ненавидящий свою ассистентку именно за ее постоянно жующий что-то рот и отвратительную леность, свидетельствующую, по его мнению, о полной фригидности, встал и совершенно спокойно произнес:

– Оксана, вот что бывает, когда постоянно занят не мозг, а ротовая полость. Хорошо еще, что все полетело наружу, а ведь вы могли подавиться и скончаться, так и не осчастливив кого-нибудь до конца его дней.

Бедная ассистентка не нашлась что ответить, но в глазах ее мелькнуло что-то, очень похожее на ненависть. Герман проследовал в переговорную комнату, обогнув стул, на котором все еще в оцепенении сидел уделанный шоколадом молодой человек.

Очаровательная директриса компании «Пудинг» даже не сидела, а раскинулась на диванчике в переговорной, закинув ногу на ногу и вытянув это мощнейшее женское оружие максимально вперед настолько, что места в переговорной почти не осталось. Герман приютился

на стульчике и, совершенно сбитый с толку обилием роскошной девушкиной плоти, срывающимся голосом произнес:

– Я вас слушаю.

– Герман, дорогой, у меня к вам одна маленькая просьба.

Герман постепенно начал приходить в себя и успокаиваться, осознав, что девушка, очевидно, попытается, воспользовавшись своим божьим даром, получить от него что-нибудь задаром. От этой мысли он мгновенно пришел в себя, перейдя из позы похотливого созерцателя к надменной позе закупщика. Девушка, очевидно, инстинктивно поняв, что она где-то ошиблась, втянула ноги обратно, словно они были у нее телескопическими, и, одернув юбку, прикрыла колени.

– Я, видите ли, обыкновенный функционер. Меня не надо ни о чем просить. Вы хотели сказать, что у вас есть ко мне какое-то дело?

Девушка, явно не ожидая такого невероятного для нее исхода дела, окончательно смутилась и вновь покраснела, но на сей раз как-то иначе и не так волнительно.

– Я... Мы... Наша компания хотела бы произвести ротацию.

– Позвольте? Что? Какую еще ротацию? Я, видите ли... – к Герману вернулся его издательский тон, который он «включал» в беседах с теми, кому заранее решил отказать. С теми, кто ему просто «не понравился». – Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду под словом «ротация». Для меня это что-то из области кадрового рекрутинга.

Девушка окончательно растерялась, расстроилась и вдруг, разом потеряв всю свою красоту, стала до того жалкой и несчастной, что Гере стало жаль ее:

– Светлана, у нас не очень-то много времени. Давайте перейдем к делу. Выкладывайте, что там у вас?

– Герман, э-э-э... Алексеевич?

– Андреевич.

– Герман Андреевич, наша компания поставляет в «Ромашку» некоторое количество вин различных стран происхождения...

– О да! Чего у вас только нет! Одни названия чего стоят! «Черный Клоун», «Черный Ворон», «Черный...», я уже даже не помню, что там еще у вас «черное». Зачем вы так называете свои вина? Вино и черный цвет не имеют ничего общего! Вино – это праздник, а «Черный Клоун» – это какой-то Стивен Кинг, ха-ха-ха!

– Да... Есть и такие... Так вот мы и хотели поменять десять позиций вин на десять позиций других...

– «Других» чего, простите?

– Э-э-э... вин!

– А почему вы хотите это сделать?

– Они неважно продаются.

– Светлана, вы знаете, я думаю, что вашей компанией руководит какой-то готичный человек. Он, знаете ли, любит распивать все эти «черные» вина, сидя эдак ночью среди надгробий где-нибудь на Введенском кладбище и распевая готичные гимны под бледной луной. Не так-то много готов посещают магазины моей «Ромашки». Вот и продажи поэтому такие. Ну не хотят люди пить «черные» вина. Так что и на что вы хотите поменять?

– Вот документы, – девушка протянула Герману коммерческое предложение – листок бумаги со стандартным: «Уважаемый Герман Андреевич, предлагаем вашему вниманию...» Гера пробежал листок глазами: табличка из двух столбцов. Один озаглавлен «Вывести», другой «Ввести». Внизу названия вин, все обыденно и скучно, но в графе «Ввести» на три строчки больше, чем в соседней. Все понятно: прислали красивую девочку, чтобы она запудрила мозги, мило поулыбалась, показала ноги, вывалила наружу сиськи почти целиком и вот так простенько и бесплатно решила бы вопрос с заменой, а заодно и с вводом трех дополнительных позиций.

Герман вдруг почувствовал приступ нечеловеческой ярости от того, как дешево этот «Пудинг» оценил его, Германа Кленовского, посчитав за полного простака и дешевого мастурбатора. Он изо всех сил постарался, чтобы ничего негативного не отразилось на лице, а про себя решил надрать «Пудингу» задницу и уж если не весь пудинг, то неплохой его кусок употребить себе на пользу.

– Светочка, можно я стану так называть вас? – Она радостно кивнула. – Так вот, я должен все это изучить, понимаете? Попросить ассистентов сделать отчет и, думаю, что не один, а несколько. Ассистенты люди очень занятые, у них много, очень много работы, понимаете?

– Да, Герман, я понимаю, и сколько это по времени? Я имею в виду: когда вы сможете рассмотреть наше предложение?

– Ну, пока то, пока это... Я ведь тоже не только вами занимаюсь... В общем, я смогу вернуться к рассмотрению вашего предложения недели через две-три. Да. Думаю, что в такие сроки это наиболее вероятно.

– Три недели! – Светлана, похоже, начала терять самообладание – Но ведь это простая замена одного на другое!!!

– И еще три новых позиции?!

– Ну... да... Это перспективные позиции. Уже многие сети ввели их в матрицу, понимаете! Они продаются очень хорошо!

Герман ухмыльнулся своей самой циничной ухмылкой, на которую только был способен. Он был вполне в своей стихии. Этаким карликовый фюрер, алчущий пусть и маленькой, но власти, пусть и над одним человеком. Со стороны он напоминал худого безжалостного вампира – гота, перед тем как тот собирался прокусить артерию жертвы. Торговля и готика, кто бы мог подумать, черт возьми! Он понял, что эта девочка уже никуда не денется, и, словно камикадзе, начал заход на цель:

– Светочка, все так говорят. Это чтобы не выделять бюджетов, хе-хе-хе. У вас есть деньги на продвижение этих трех позиций?

– Герман, у нас, в принципе, есть деньги. – Света сделала ударение на слове «принцип». «Клюет!» – щелкнуло в голове Геры.

– Замечательно, что «Пудинг» такая богатая компания. Я ведь был в прошлом году на международной выставке в «Экспоцентре», проходил мимо вашего стенда. Там у вас даже лифт был, кажется?

Светлана кивнула.

– Такой стенд стоит не меньше ста тысяч долларов, не так ли?

– Вы прекрасно разбираетесь в таких вещах, Герман. Стенд действительно стоил очень дорого... Это пожелание руководства, понимаете? Руководство у нас из горян, у них понты в крови. Ну не могут они по-другому, понимаете!

– А раз вы столько денег за стенд в состоянии отвалить, то напишите мне бюджет этой ротации, и если он произведет на меня впечатление, то у нас будет предмет для переговоров. Иначе наша беседа не имеет никакого смысла. Давайте начистоту, Света! Вы считаете, что вы в состоянии до такой степени очаровать меня, что я, словно под гипнозом или под наркотиками, сделаю все, что вы попросите? Вам самой-то не смешно?

– Но что же мне делать? Это моя работа, Герман!

– Впервые слышу от вас что-то откровенное. Горянские понты – это всего лишь констатация очевидного факта. А насчет смысла вашей работы – тут вы правы.

– Герман, я просто не могу вернуться в офис ни с чем, понимаете! Человек вы или робот?

– Я – человек, Светочка. Разумеется, человек. И ничто человеческое мне не чуждо, поверьте. А поэтому, принимая во внимание, что характер нашей беседы плавно перетекает в неофициальный, предлагаю сейчас сделать паузу и продолжить обещающий так много новых ощущений диалог вечером, за ужином. Согласны? Или я...

– Конечно, согласна! Просто я с самого начала хотела предложить вам побеседовать где-нибудь в неофициальной обстановке, но поняла, что не я владею ситуацией.

– Ну что, тогда ужин?

– С удовольствием!

– «Эль-Дорадо»?

– Как скажете, но мне кажется, что это слишком пафосное место.

– Это правильное место, дорогая. Во сколько? Давайте в восемь вечера?

– Хорошо, Герман. Договорились. Я позвоню насчет столика.

– Спасибо. Мне, согласитесь, будет неловко резервировать столик в одном из самых лучших и дорогих ресторанов Москвы по телефону, будучи окруженному при этом ушами моих доброжелательных коллег, которые немедленно сделают из моего разговора нужные им и не нужные мне выводы.

– До вечера, Герман.

– Можно просто Гера. Так зовут меня все мои друзья. Ведь мы почти друзья?

В «Эль-Дорадо» Герман сразу же взял инициативу в свои руки: он прекрасно знал тамошнего сомелье Артема Кеглина, с которым его связывало многое по работе еще в «Рикарди». Герман сделал ему знак, мило улыбнулся Светлане и, встав из-за стола, сказал: «Я на минутку, не скучайте». Затем спустился со второго этажа ресторана вниз, к туалетам. Там его ждал Кеглин. Приятели поздоровались:

– Герыч, ты как? Слышал о твоём отжиге в «Рикарди». Да-а... Круто ты их уделал. Красавчик!

– Да не в этом суть, Тёма. А суть в том, что я на новой работе, в закупках, и мне надо дела обстряпывать, сам понимаешь. Телка за моим столом – это мешок с деньгами, который мне надо напоить и трахнуть. Поможешь?

– Конечно, помогу. Я тебе ее упакую и до машины донесу тепленькую, если захочешь.

– Спасибо огромное, старый друг. С меня причитается.

– Да ладно тебе, Гера, какие между друзьями счета. Все сделаем.

Герман вернулся за их с девушкой столик. Та освоилась с меню, выбрала что-то себе и ждала Германа, но заскучать еще не успела и задумчиво покуривала, глядя на панораму Кремля, видимую сквозь стеклянную мансарду второго этажа «Эль-Дорадо». Герман извинился, спросил Свету насчет ее винных пристрастий.

– Герман, мы сюда вина не возим. Выбирайте сами.

– Тогда предложу вам «Шабли ле Кло», а на аперитив бокал шампанского. Хотите?

– Пожалуй.

Кеглин возник возле их столика со своей фирменной ненавязчивой деликатностью, и вот уже была утоплена в серебряном ведерке, наполненном льдом, бутылка прекрасного «Ruinart», и Света, выпив первый бокал, как-то незаметно для самой себя принялась за второй и пьянела просто на глазах. Шампанское, этот мощнейший афродизиак, делало свое дело. Глаза у девушки заблестели, заметно прибавилось игривости в манерах, взгляды, бросаемые ею на Германа, приобретали все более и более откровенный характер. Кеглин без усталости подливал ей в бокал: сперва шампанское, затем «Шабли», а в конце ужина, когда Светлана, кажется, и так была готова лечь на стол и раздвинуть ноги, он плеснул ей «Averna». Этот напиток обладает несколькими божественными свойствами, главное их которых – это помощь в пищеварении, что после обильного застолья особенно актуально. На какое-то время после его употребления даже кажется, что совсем протрезвел, но так только кажется...

Герман за весь ужин не выпил и бутылки вина. Ему необходимо было держать себя в форме и не ударить в грязь лицом. Чрезмерная доза алкоголя для мужчины и нещадное, бесконечное долгое упоение женским телом – вещи несовместимые. Удел импотентов: осушить ведро алкоголя и тщетно пытаться сосредоточиться в попытке затвердиться. Пьяному и пол-

ному коротких замыканий мозгу не до сотворения эрекции. Чувствовал себя наш меркантильный плейбой вполне превосходно и, усадив Светлану в такси, сам сел рядом. Попросил шофера отвезти в «Украину» и, обняв Свету за шею, притянул к себе. Не встречая никакого сопротивления, а, напротив, ощущая тепло желания, исходящее от нее, впился в девушку так, словно он был паразитом из страшной киноэпопеи «Чужие». Момент, когда Герман расплачивался с таксистом, регистрировался в отеле и оплачивал номер на сутки, показался каким-то «вжиком». И вот уже он, бросив ее на широченную кровать «люкса» на восьмом этаже и молниеносно стащив с нее всю одежду, раскидывая ее, как сеятель, направо и налево, залез языком в святая святых... Ход верный. Как правило, после такой «милой откровенности» в девушках, которые еще не расстались с некоторой природной, наивной доверчивостью, пробуждается глубокое ответное чувство. Герман это знал давно, да и не было для него в нормальном сексе ничего, что могло бы вызывать в нем отторжение. Их заплыв продолжался несколько часов, почти беспрерывно. Гера чувствовал себя игровым автоматом, который постоянно дергают за ручку и который вынужден каждый раз выдавать «джек пот». Наконец они устали и уснули...

А когда проснулись на следующий день, то на улице только-только начало светать. Стояла вторая половина осени. Свете было плоховато, а Герман чувствовал себя превосходно, как может чувствовать себя нормальный здоровый мужчина после качественного секса. Он встал с кровати, подошел к окну, раздвинул шторы и поглядел на мост, перекинутый через Москву-реку, на широкий проспект с редкими машинами и красные точки светофоров. Москва просыпалась. И было в этом городе что-то неуловимо тревожное, но не чужое, а привычное и от этого не очень-то страшное. «Не страшнее собственной тени, – подумал Герман. – Как отличается этот пейзаж от того, который так хочется видеть каждое утро: берег моря, лесистые горы, белый парус у линии горизонта и идеально подстриженный, словно мех хорошей норковой шубы, газон. Продать за это душу не жалко. Только у меня чувство, что никому она уже и не нужна. Залежалый товар». Он повернулся к Светлане. Та лежала, раскинув ноги, приподнявшись на подушке, забросив руки за голову, и из-под полуопущенных век глядела на Германа.

– Ты замечательный любовник.

Германа разозлил ее тон, ее утренняя ненужная нагота, ее полуприкрытые глаза и ленивый голос. Он бросил:

– Ведь тебя для этого прислали?

– Что ты имеешь в виду?!

– Сама знаешь. Решили меня развести всем своим «Пудингом»?

Света изобразила возмущение, затем обиду, поднялась на локтях, заняла сидячую позу и натянула на себя одеяло.

– Прекрати пороть ерунду. Просто ты мне понравился, вот и все.

– Да ладно, не втирай мне. Мы по разные стороны баррикад. Ты в своем «Пудинге», я сам по себе в своей «Ромашке». Тебе нужно, чтобы я подписал твои документы? Не бывать этому. Дешево купить хотите!

Герман ходил по комнатам «люкса» и подбирал с пола свою одежду, раскиданную вчера в порыве страсти. Он натянул брюки, застегнул рубашку, кое-как затянул на шее галстучную петлю:

– Вот так-то!

– Я думала – ты нормальный мужик, а ты просто дерьмо!

– Нет, Света. Я не дерьмо. Просто у меня есть мечта, понимаешь? И мечта эта – не ты, уж извини. Моя мечта вообще не ассоциируется ни с одним человеком, кроме меня, и только меня самого и касается, потому что это моя мечта. А для ее достижения мне нужны деньги. Вот я и говорю: либо платите мне по трешке за каждую позицию, которую хотите ротировать, и по семь штук за каждую новую позицию из тех трех, что вы собираетесь ввести сверх списка, либо

идите к чертовой матери, ясно! Мой телефон у тебя есть. Надумаете – перезвонишь. Всего доброго!

И он вышел в коридор, хлопнув дверью, за которой на широченной кровати полулежала девушка, которая от переполнявшего ее разочарования так и не смогла произнести ни слова.

Только в конце рабочего дня мобильник Германа оповестил о ее звонке. Они встретились тем же вечером. Света вышла из своей машины, подошла к передней пассажирской дверце машины Германа, постучала по стеклу костяшками пальцев. Тот перегнулся через сиденье «девятки», с видимым усилием опустил стекло. Света кинула ему толстый конверт и, изображая холодное безразличие, произнесла:

– Условия приняты. Когда можно ждать результата?

Герман поспешно затолкал конверт во внутренний карман пиджака:

– Завтра. Завтра я все сделаю. И если хотите вовремя получать деньги за поставки, то ежемесячно будете откатывать пять процентов.

Света с презрением кивнула и, гордо вскинув голову, села в машину. Взвизгнула колесами при старте и, сорвавшись с места, быстро укатила. Гера усмехнулся и показал в сторону уехавшего автомобиля оттопыренный средний палец. Номер «два» появился, но рассчитывать на взаимность, похоже, больше не приходилось.

А за три часа до их встречи Света устроила в кабинете своего акционера, с которым она когда-то делила постель и по поручению которого иногда выполняла подобные «поручения», ураганную истерику. Она кричала о том, что ей надоели унижения, что ей тридцать лет и давно пора выйти замуж и родить мальчика или девочку, что она не блядь, а генеральный директор. А ее горянин-акционер, жестоко ослабившись, вдавил в пепельницу окурков сигареты и сказал:

– Свэта, види из кабинета и иды в то место, аткуда ты кагда-то паявилас на свэт.

– Что это значит?

– Эта значыт, что ты мэнэ надоела. Минэ тут канцэрт нэ нужэн. Пышы заявлэние и ухады. И нэ забудь квартиру асвабадыть, анна минэ ещо пригадитса.

Света, в очередной раз переступив один из бесконечных порогов своей души, униженно извинилась перед этим ничтожеством. Тот, мня себя небожителем, милостиво простил.

– На тэбэ дэнги и атвэзи их этаму красавцу. Он, канэшна, скатына, но он нам ещо пригадитса. Минэ эта сэтэ интэрэсна. Давай дэйствуй, и бэз истэрик на будуцэе. Будэш с ним кантактырават.

Светлана только и смогла, что кивнуть в ответ.

Всхлипывая от унижения и непрерывно куря сигареты, прижигая одну от другой, она домчалась до места встречи с Герой и швырнула ему конверт. На большее в тот вечер ее не хватило. А Герман, придя домой, выпил литр виски и на следующий день не смог пойти на работу из-за состояния, почти схожего со смертью. Светлана позвонила около двух дня. Холодным, официальным голосом осведомилась о состоянии документов. Герман, развалившийся на кровати и потягивающий спасительное лекарственное пиво, попросил ее подъехать к нему домой «согласовать некоторые вопросы» и назвал адрес. Сказал, что это «очень срочно». Ей ничего не оставалось делать, как согласиться, и она приехала. В постели они помирились. Окончательно она простила его после того, как через несколько часов перед дверями собственной квартиры, засунув руку в сумочку в поисках ключей, она наткнулась на туго перетянутый резинкой цилиндр из сотенных долларовых купюр. Это были тридцать процентов от Героиного «вознаграждения». Они поняли друг друга без слов, и все последующие суммы, которые Света брала у своего нечеловечески мерзкого акционеришки, включали в себя и ее долю.

Чекисты и кредитные карточки

Номера «три» звали Андрей, номера «четыре» тоже Андрей. В записной книжке его телефона они были обозначены очень просто: «Андрей-1» и «Андрей-2». Тем не менее в реальной жизни разница между ними была словно между небом и землей.

Андрей Первый был человеком, которому, казалось, сама мать-земля давала силы и не позволяла упасть, поддерживая его. Он настолько крепко стоял на ногах, что Герман с первого взгляда понял, что человек этот не сволочь, а весьма порядочный, хоть и наивный мужик, и, что главное для «личной клиентской базы закупщика», он не трепло...

Здесь сделаем маленькую, так сказать, врезку и поговорим о тех, «кто нас стережет».

Сколько закупщиков, наивно полагающих, что «никто никогда и ничего не узнает» сгорели на пламени своей наивности, словно мотыльки, тупо летящие на пламя свечи, выставленной на открытой дачной веранде душной июльской ночью. Поставщик для закупщика – это всегда враг. Враг может быть не болтливым, но и то до поры, а может, в силу природного недержания и страдания хроническим словесным поносом, «вломить» закупщика в два счета. Классический пример я уже приводил – это различного рода потные совместные мероприятия, где слухи о баснословной вороватости закупщиков самым тесным образом переплетаются с реальностью и фактически таковой становятся, хотя изначально в этой вторичной реальности самой реальности всего-то несколько процентов. И никакая, даже самая надежная с виду конспирация не может гарантировать закупщику безопасность от любопытных ушей и хитрых быстрых глазенок отставных чекистов...

...Гребаные, мать их, отставные чекисты! Герман ненавидел их и боялся. Боялся оттого, что ненавидел, и ненавидел оттого, что боялся. Уверенные в своей правоте, brave отставные служаки, натасканные в своей первой работе на бесконечный поиск шпионов, ставший для них смыслом жизни. Люди со стальной печенью, топливным насосом вместо сердца и небольшой удельной массой головного мозга. Гере повезло: он лишь слышал о страшных «эсбэшниках» и проводимых ими зачистках в других фирмах, но инстинктивно всегда опасался, как и каждый, кто встал на зыбкую трясику откатной деятельности, что сидит «где-то» дядя в сереньком костюме и галстук в скупую полоску и все Герины делишки тщательно конспектирует в тетрадку-конduit.

Такого рода страх прочно поселился в Гере с тех пор, как однажды он совершенно случайно увидел один «документик».

У Геры была знакомая. Соседка по подъезду. Ничего особенного, семейная тетка, лихо нарубившая капусту где-то в регионах, вообразившая, что мир уже почти у ее ног и перебравшаяся вместе с семьей в Москву. В Москве у нее, что называется, «не поперло», и как-то раз Гера, поздно возвращающийся домой с какой-то очередной корпоративной попойки, устроенной «Рикарди», увидел ее, сидящую на лавочке и нервно, в крупную мужскую затыжку курящую сигарету. Из глаз по щекам шли две широкие дорожки слез, начисто смывших всю косметику. Рядом стояла початая бутылка водки, а порядочная куча окурков в помаде свидетельствовала о том, что Валя (так звали соседку) сидит на этой лавочке уже очень давно. Гера был в веселой степени подпития, ему хотелось побалагурить, и он, ничтоже сумняшеся и предвкушая, что Валя в таком состоянии обязательно выдаст нечто волнующе-пикантное, обратился к ней:

– Привет покорителям столицы! Чего сидим? Решила накуриться года на три вперед?

Валя пьяно усмехнулась. Именно пьяно: как-то замедленно и вместе с тем отчаянно:

– Сядь, отдохни, Герман. Покуришь со мной?

Герман кивнул, выбил сигарету из пачки, чиркнул блестящей зажигалкой, присел:

– Рассказывай!

- Нигде меня на работу не берут, Гера. В Москве этой хреновой вашей. Нигде!
- Почему? Ты же вроде специалист и где-то уже работала?
- Ушла пару месяцев назад, стала искать – и ничего! Понимаешь?!

Она выбросила окурок, достала из сумки пачку дамских сигарет и какой-то листок, сложенный вчетверо:

– Дай прикурить. Спасибо. Так вот: ходила я, ходила, обивала пороги. На первом собеседовании все хорошо, на втором еще лучше: потенциальное начальство в восторге. А потом через несколько дней отказ. И так каждый раз. И вот пошла я в компанию, где у мужа бывшая сокурсница работает как раз в отделе кадров. Не чужой человек вроде как, да? И там та же самая история со мной! Ну, она мне звонит и говорит, что, мол, Валя тебя СБ завернула. Служба Безопасности, то есть, их внутренняя. Я ее и попросила разузнать, что хоть они обо мне такого знают, чего я, может быть, сама о себе не знаю? Она помялась, помялась и попросила ее встретить после работы. И вот, под страхом смерти буквально, передала мне вот этот документик. Пакость эту!

Голос Валентины стал сиплым, и она принялась плакать, а Герман осторожно взял из ее руки тот самый сложенный листок, развернул его и принялся читать про себя:

«Копий не снимать. Аннотаций не составлять!»

СПРАВКА

в отношении Куховой В.П.

Куховая Валентина Павловна 1970 г.р. Уроженка города Киева, паспорт Х-МХ №885712503 выдан 20.09.1991 года ОВД Московского района г. Киева. По данным ЦАБа г.Москвы Куховая В.П. не зарегистрирована как проживающая в городе Москве или области, но в ходе проверки установлено, что Куховая В.П. является владельцем двух квартир, находящихся по адресу: г. Москва; ул. Профсоюзная, д.190, корп.4, кв.368 (5 подъезд, 9 этаж). Эта квартира площадью 68 кв.м. приобретена 5.11.1999 г. По данному адресу проживает мать Куховой с ее ребенком. Вторая квартира 195 расположена в том же доме в 3 подъезде на 8 этаже. Общая площадь 76,6 кв.м., приобретена 16.02.2000 года. Квартиры находятся в новом 22-этажном доме «улучшенной» планировки 1998 года постройки. Дом светлого цвета, в каждом подъезде имеется домофон и консьерж. Владельцами последней квартиры являются сама Куховая В.П. и ее муж Куховой Сергей Филиппович, паспорт АГ №548399, выдан 02.04.1995 Жовтневым РО УМВД Украины в Днепропетровской области. У него также нет регистрации в Москве. В своем резюме Куховая В.П. об этом не указывает.

Куховая В.П. родилась в городе Киеве (предполагаемый адрес ее родственников – ул. Войсковая, д. 5). Там же окончила среднюю школу и через год после ее окончания поступила на экономический факультет Киевского Государственного Университета им. Т. Г. Шевченко. На последнем курсе по программе обмена студентами выезжала в Университет г. Даллас, штат Техас, США, где проходила специальный курс по управлению финансами. После окончания этого курса прошла ускоренную программу (три недели) по экономике свободного рынка. По возвращении на Украину защитила диплом и с февраля 1994 по конец апреля 1995 работала в качестве сотрудника компании «РТТ Telecom – Украинські мобільні комунікації» (сохранен оригинал названия). Как сообщили наши киевские партнеры, получить полную характеристику объекта не представилось возможным в связи с тем, что в компании практически не осталось людей, которые ее хорошо знали. Однако сотрудник отдела кадров в беседе с источником партнеров припомнил, что уволена Куховая была за какие-то неблагоприятные поступки. Четыре месяца работала консультантом в компании «Medicine Equipment Ltd.» (представительство британской компании, которая занимается производством диагностического оборудования и расходных материалов для нейрофизиологии). Куховая использовалась фактически

как переводчик, поскольку в специфике продукции абсолютно не разбиралась. В 1995 году она выехала в Россию на работу в компанию «Фибро Энерджи Продакшенс». Представительство этой компании располагалось по адресу: Москва, Пречистенский бульвар, д. 17, оф. 202, тел. 156-3225, 175-2686. Компания занималась экспортно-импортными операциями с мети-лами, нефтепродуктами и удобрениями. В настоящее время представительство этой компа-нии ликвидировано. С «Фибро Энерджи» была связана нефтедобывающая компания «Белые ночи» (Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, г. Радужный, 1-й мкр., д. 13, компания суще-ствует и в настоящее время). Куховая В.П. работала там в должности заместителя главного бухгалтера. Отзывы о ней по этому периоду работы достаточно негативные. Бухгалтерского опыта работы у нее практически не было, с чем и были связаны ее многочисленные ошибки при ведении бухгалтерской документации. В личном плане вела себя высокомерно, постоянно подчеркивала, что она училась в американском университете, хотя эти знания не имели ника-кого отношения к ее конкретным обязанностям. Очень амбициозна (причем не по делу), под-чиняться не любит, а пытается показать свое собственное «Я». В моральном плане также не безупречна (в основном это касается ее контактов с руководством компании и иностранными партнерами). Период работы в компании «Сибнефть» осветить не представляется возможным из-за краткости ее пребывания там. Во всяком случае, в списках постоянного персонала ком-пании «Сибнефть» ее данные не были обнаружены.

В апреле 1998 года по чьей-то рекомендации (несмотря на отрицательные отзывы по прежнему месту работы) Куховую В.П. взяли на должность главного бухгалтера в СП «Черно-горское» (Тюменская обл., г. Нижневартовск, 23, ул. Менделеевская, д.15, тел. 345666, 273661. Иностраный партнер – американская фирма «Апдерман Смит Оуверсиз Инк». Представи-тельство этой фирмы находится в Москве, Садовническая набережная, д. 27, 3 этаж. «Апдер-ман Смит» специализируется на добыче и экспорте нефти. Куховая В.П. отработала в СП «Чер-ногорское» восемь месяцев в качестве исполняющей обязанности главного бухгалтера, из них два месяца она принимала дела. По отзывам, в коллективе создала очень нервную обста-новку: стравливала работников, пыталась переложить свои обязанности, а вместе с ними и ответственность, на рядовых сотрудников, конкретные знания и опыт слабы, но в целом Кухо-вая В.П. в глазах руководства считалась очень образованной и перспективной, пока не стали видны результаты работы, а именно – был завален баланс.

После увольнения Куховая В.П. переехала в город Стрежевой, где устроилась (вновь по протекции) на работу директором по финансовым проектам в объединение «Томскнефть» НК «Юкос». Поскольку эта работа больше предполагала наличие общих знаний по экономике и финансам, нежели чем конкретных навыков в бухгалтерии, то Куховая В.П. лучше справлялась со своими обязанностями и отзывы о ней со стороны руководства более нейтральны. Другие источники характеризовали ее как человека, безусловно обладающего неплохой общей эруди-цией, очень неглупого, но конъюнктурного, типичного приспособленца. Меркантильна. Из тех, про кого говорят: «за копейку удавится». К людям относится в зависимости от их материаль-ного и социального положения. Скрытная и неискренняя. В ближайшем окружении говорила, что хотела бы переехать на ПМЖ в Штаты, но из-за матери не может этого сделать.

Контактна. Особенно с иностранцами, в чем ей помогает хорошее знание английского языка.

Уволилась из объединения «Томскнефть» в конце 2000 г. в связи с переездом в Москву, где, с ее слов, она приобрела квартиру. С бывшими сослуживцами контактов не поддерживает, поэтому они не знают, где она в настоящее время работает.

В ходе проверки по Московскому представительству ЗАО «Корпорация Удмуртские Моторы» (ныне ЗАО «Корпорация Автодайзинг») установлено, что главе представительства Карпову Николаю Павловичу, тел. 402-5685, она неизвестна. Если бы Куховая В.П. была глав-

ным бухгалтером компании «Удмуртские Моторы», то Карпов В.П. должен был знать ее «по определению».

Проходит по оперативным материалам как связь некоторых объектов внимания из числа представителей иностранных компаний.

По учетам ЗИЦ ГУВД г. Москвы Куховая В.П. и ее муж не проходят».

Герману стало до того неловко и некомфортно, что от его прежнего благодушного состояния не осталось и следа. Он почувствовал, как по его спине катятся холодные капли. Прадедушку Германа расстреляли еще в 20-е годы за участие в Кронштадтском мятеже. В питерских «Крестах» он сидел в одной камере со своим другом Николаем Гумилевым. Дедушку репрессировали в 1938 как «врага народа» и выпустили только после начала войны в сентябре 1941. Дедушка прошел всю войну рядом с точно таким же, как он, «срочно выпущенным» Рокоссовским. После войны он вернулся к врачебной практике и был повторно репрессирован по печально известному «делу врачей». Вышел из лагеря в 1954 году, больной и надломленный, и вскоре умер. Память о них обоих сохранялась в Германе на генетическом уровне, и хотя с подобным жанром казематной лексики ему приходилось сталкиваться впервые, он ощутил настоящий страх. Страх словно от соприкосновения с чем-то ужасным, роковым, безжалостным и, главное, бездушным.

– Сочувствую, – только и смог вымолвить он и вернул бумагу соседке. – Держись, Валя.

– Ну да. Что же мне еще остается делать? – невесело усмехнулась та. – Я, знаешь, уже даже привыкла.

– Слушай, Валя, получается, что вот так вот запросто можно узнать о человеке абсолютно все?

– Герочка, милый, что значит «все»? Да ведь ты пойми: бумагу составляют люди, для которых любой, абсолютно любой человек – это потенциальный преступник! Ведь вот посмотри сам, какие здесь использованы формулировки: «какие-то неблагоприятные поступки», «стравливала людей». Да какие-такие поступки-то?! Кого я когда стравливала?! Поклеп, гнусность и подлое вранье, вот и все! Просто у составителей подобных бумажек своя, вполне понятная цель: перестраховаться, мол, «вот же мы предупреждали, что человек неблагонадежен, так какие к нам претензии» и более глобальная, а именно: убедить работодателя, что он не за просто так платит им жалованье, премии, бонусы... Но что хуже всего: стоит такой бумажке родиться, так уж она будет следовать за тобой повсюду, как вторая тень!

Герману стало жалко ее, жалко себя. Он развел руками:

– Ну, Валь, это жестокий мир. Что тут поделать? Держись.

– Герман, ну как я могу держаться? Я человек амбициозный – это они правильно написали. Только для них амбициозность, карьеризм – это плохо, для грибов этих старых. Их по-другому учили. Руки опускаются, если честно, и появляется фактически постоянный страх оттого, что в очередном месте вновь откажут! Как-будто я нахожусь под каким-то стеклянным колпаком, как муха. И вылететь из-под него, как ни старайся, не получится. Разве что только чудо какое-нибудь случится...

Герман почувствовал, что его тяготит ее общество. Тогда он еще был женат и понимал, что этот ночной разговор на лавочке перед домом никакого, во всяком случае, приятного продолжения иметь не будет. Пожелав соседке чего-то дежурно-вежливого, он вошел в подъезд, кивнул консьержу. Вспомнил, о чем шла речь в том самом документе, который он читал только что и с которого нельзя было снимать копий и составлять аннотаций. Размышляя над последними словами Валентины, поднялся в лифте на свой этаж. Тихо отворил дверь в квартиру. Стараясь не разбудить жену и детей, аккуратно снял ботинки, прошел в кухню, включил свет. На кухонном столе стояли пустые пакетики от детского сока, кофейная чашка. Жена и дети ждали папу допоздна и читали книжку Алексея Толстого «Приключения Буратино». Как всегда не

дождались и пошли спать. Герману стало тошно. Он давно уже понимал, что теряет семью, в которой он стал словно жилец, приходящий на ночлег, и то не всегда. Открыл холодильник, достал бутылку водки и плеснул себе в кофейную чашку жены. Выпил, поморщился. Немного посидел без движения, смотря в одну точку. Машинально открыл «Буратино» и прочитал: «Ворвались два доberman-пинчера, сыщики, которые никогда не спали, никому не верили и даже самих себя подозревали в преступных намерениях». После такого очевидного свидетельства концентрации неприятной для него темы Герману стало совсем не по себе, и то, о чем он раньше даже как-то и не задумывался, вошло в него, оформилось в виде навязчивой фобии и поселилось навсегда...

Так вот Андрея Первого нельзя было назвать треплом. На первой же неофициальной встрече в безлюдном ресторане «Спаго», который, наверное, можно было бы назвать самым безлюдным рестораном Москвы, Герман сразу понял это: за весь вечер, что они провели за беседой, в ресторане так никто и не появился. Заведение напротив, клуб «Гоа»³, было переполнено, а в «Спаго» царили спокойствие и тишина.

Он понял, что Андрей Первый сознательно заботится о его, Германа, безопасности. Именно «безопасности», а не о «репутации». Потому что «репутация» у закупщиков в глазах широкой общественности, как минимум, подмоченная «по умолчанию». В абсолютно пустом ресторанном зале негде спрятаться соглядатаю с мини-камерой. И каждый новый посетитель сразу же раскрывает свои намерения, определяемые его поведением.

– Моя компания, – сказал Андрей Первый, – родом из Питера, если можно так сказать. Мы самые честные и порядочные, и я могу дать стопроцентную гарантию тайны наших деловых отношений. Встреча в ресторане, даже таком пустом, как этот, такой гарантии дать, безусловно, не может, но больше мы в ресторанах постараемся не встречаться. Мы вообще будем встречаться очень, очень редко. Только телефонные звонки и письма, приходящие на секретный электронный адрес в зоне «@com».

Герман хотел было спросить, а как же он будет получать свои деньги, но предпочел дослушать своего собеседника до конца. Тот продолжал:

– Я буду звонить и высылать предварительные предложения по электронной почте. Вы, Герман, после оценки моего «сырого» предложения формируете свой, так сказать, пакет пожеланий, звоните мне и сообщаете ваши условия. Далее я связываюсь со своим шефом, который постоянно проживает в Рио-де-Жанейро, согласовываю все с ним, и если все в порядке и не требуется повторного согласования вопроса с вами, то мы переводим вам деньги через литовский банк. Вот возьмите. – С этими словами Андрей Первый аккуратно подтолкнул пальцами через стол маленький прямоугольный плоский пластиковый футляр.

Герман так же аккуратно взял этот прямоугольник и опустил руки под стол. Из футляра он извлек пластиковую карточку «VISA», выписанную на имя какого-то Рокаса Ругиниса, и сложенный вчетверо конверт с пин-кодом.

– Кто такой этот Ругинис?

Андрей Первый недоуменно пожал плечами:

– Черт его знает! Какой-то литовец, на чей паспорт открыт счет. Во всяком случае, он резидент в своей стране, и совершенно очевидно, что никакого особенного внимания к нему никакие фискальные органы в его родной Литве проявлять не станут. Не будем же мы, в самом деле, открывать счет на ваше имя, не так ли?

Герману все предложенное очень понравилось. И с тех пор Андрей Первый стал его, если можно так выразиться, самым безопасным контактом. Схема работала как часы: на почтовый, «домашний», адрес Германа периодически приходили предложения от Андрея Первого. То ему надо было что-то ввести в ассортимент, то что-то ротировать, то провести какую-

³ Клуб «Гоа» приказал долго жить. Ныне вместо него сетевой ресторан восточной кухни.

нибудь акцию... У Германа постепенно сформировался четкий прейскурант расценок на все его «стандартные» услуги. Впрочем, каждый случай был, по его мнению, индивидуальным и цены «прейскуранта» были лишь отправной точкой в торге. Довольно быстро Герман понял, что Андрей Первый особенно не радеет за деньги своего хозяина-миллионера, жителя Рио, и каждый раз понемногу повышал расценки. Отказа не было, и аппетиты Германа росли. Карточка погружалась в щель банкоматов по несколько раз в неделю. Деньги на ней Герман никогда не держал и всегда снимал все до последнего цента в день зачисления очередного отката от компании Андрея Первого. Через довольно непродолжительное время полки магазинов «Ромашки» заполонило вино компаний «Пудинг» и «Золото Рейна» – компании Андрея. Со временем, прогуливаясь по магазинам конкурентов, Герман обнаружил, что вина от «Золота Рейна» превалируют почти во всех московских сетевых магазинах. Прикинул количество пластиковых карточек, выписанных на призрака по имени Рокас Ругинис, и от души похотал.

Вместо совести

Испытывал ли он угрызения совести? Быть может, что-то похожее и происходило с ним, но в последний раз ему было стыдно, кажется, в школе. Классе в пятом. Был задан доклад о крокодилах, и маленький Гера отправился в районную библиотеку. Там он попросил выдать ему нужную книгу, но книга оказалась на руках, и пришлось идти в читальный зал, где он попросту взял, да и вырвал из книги пару страниц. Ну не хотелось ему сидеть в душном читальном зале и переписывать статью! Такой вот был своеобразный мальчик. А на следующий день Гера во время урока вышел в туалет и, проходя мимо учительской, услышал через неплотно прикрытую дверь свою фамилию, произнесенную чужим противным голосом. Герман затаил дыхание и принялся слушать, как о его вчерашнем вероломном поступке рассказывает какая-то явно пожилая особа. Этот голос принадлежал заведующей библиотеки – старой карге, помимо основной работы еще и являющейся «сексоткой», но не от слова «секс», а сокращением от «секретный сотрудник». КГБ разумеется. Должность у нее была такая. Идеологическая. В то время была и национальная идея, и идеология, и почти всех это устраивало. Всех, кроме кучки психопатов-диссидентов, о существовании которых мальчик Гера даже и не догадывался.

Так вот эта самая «сексотка» шипела, что Германа необходимо «немедленно посадить в колонию для малолетних преступников», в противном случае «он вырастет отпетым...». Чем или кем вырастет Герман, библиотекаря предположить не успела, так как он смело открыл дверь в учительскую и возник на пороге, с ноздрями, раздувающимися от совершенно правдоподобного гнева. Библиотекаря и завуч школы, которая с возмущением и втайне ненавидя старую каргу, слушала ее, потеряв дар речи, уставились на Германа. Он тем временем, мгновенно оценив ситуацию, решил все отрицать:

– Я слышал, как здесь была произнесена моя фамилия! Чем обязан, так сказать?!

От подобного наглого и не по годам самоуверенного тона обе дамы поначалу совершенно растерялись, но, будучи людьми опытными, стали, оживленно размахивая руками, вопить на Германа и поливать его настоящим селем из литературных, но от этого не менее обидных ругательств вроде «наглец» и «мерзавец». Опустим здесь все то множество перепалок, дурацких очных ставок и даже товарищеский суд на собрании пионерской дружины. Скажем только, что Германа оправдали, признали невиновным, извинились перед ним, а всю вину за испорченную книгу свалили на мальчика из соседней школы. Ему, этому мальчику, не повезло в этой истории больше всех, и не повезло фатально и абсолютно. Не везти ему начало еще с того момента, как он зашел в тот же день, что и Герман, в читальный зал, но сделал это на час позже и взял ту самую, испоганенную Германом книгу! Программа в школах одинакова, мальчику тоже был задан доклад о крокодилах, и он, не найдя нужного текста и с удивлением обнаружив пропажу двух страниц, честно доложил об этом дежурной библиотекарше. Герман столь изощренно врал и так правдоподобно играл, что ему поверили! А несчастный мальчик отчего-то страшно испугался, когда ему вдруг стали задавать вопросы о том, не он ли «испортил книгу, а потом испугался и свалил все на другого». Дежурная библиотекаря, которая, согласно своей инструкции, должна была осматривать книги после их использования посетителями читального зала, но никогда этого не делала, также очень испугалась и подтвердила, что Герман сдал книгу в полном порядке. Мальчика обвинили в преступлении, которого он не совершал, исключили из пионеров, а это было поистине ужасным клеймом тогда. Никто не хотел ничего слушать, тем более что мальчика так запугали, что он сознался в том, чего никогда не совершал. Также его родителей обязали выплатить штраф в размере девятнадцати рублей. В то время средняя зарплата инженера составляла сто двадцать рублей, и поэтому сумма штрафа была существенной. В особенности для семьи мальчика, которая состояла из отца, тунеядца и алкоголика с искореженным «синькой» сознанием, и матери-прачки. Узнав о том, что он должен платить за сво-

его отпрыска штраф в размере, эквивалентном пяти бутылкам водки, не лишенный вовремя родительских прав и своевременно не посаженный в тюрьму родитель до того распался, что схватил сына в охапку и выбросил в окно, а жили они на четвертом этаже. Чудо, не вполне полноценное, но произошло. На счастье, внизу оказался свежевскопаннный газон. Мальчик не умер, но полет из окна четвертого этажа и плохая наследственность повредили его рассудок. На всю жизнь остался он полным инвалидом, не способным к осмысленным действиям и обреченный вечно вести жизнь садового овоща на попечении органов социального призрения.

С этой смертью личности ни в чем не повинного бедолаги не осталось и свидетеля Геринной подлости. Герману было стыдно, но в глазах окружающих он был кем-то вроде героя и настолько свыкся с положением невинной жертвы, перед которой извинились не кто-нибудь, а участковый милиционер и директор школы, что стыдно ему было недолго. Примерно с полчаса. А потом он просто забыл об этом и, в конце концов, сам поверил в то, что ничего подлого не совершал и ни в чем не виновен. Как только это произошло, то его Совесть, стыдливо прикрывая свою немощную наготу, убралась восвояси на «пункт распределения Совестей», и больше Герману никого из того «пункта» не присылали...

Но, как водится, если не прислали из одного «верхнего пункта», то прислали из другого, «нижнего». И не Совесть, а такого скрипучего жука-скарабея. Дьяволенка, который обосновался в и без того маленькой квартирке Геринной души, заняв там всю полезную жилплощадь. Душу же, с которой он не мог ничего поделать, он загнал в чуланчик с паутиной на стенах. Всю свою последующую жизнь Герман слушал скрип этого жука, который он принимал за голоса своей души и совести. Так было и в тот раз, когда, расставшись с Андреем Первым возле «Спаго», Гера поймал московского лихача и попросил немного покатасть его по ночному городу. Затормозили возле ночного магазина. Герман купил поллитровую бутылку виски «Chivas» и, предвкушая вечер, полный созерцания жизни ночного города и задумчивой меланхолии, отвинтил крышку. Таксист, дед, отработавший «в тачке» тридцать с лишним лет и повидавший всякое, даже бровью не повел и, не спрашивая о маршруте, повез Германа по красивейшим московским местам. Проезжая по Бульварному кольцу, перед выездом на Гоголевский бульвар Герман заметил огромный рекламный щит, который привлек его внимание тем, что на нем не было никакой, во всяком случае, явной рекламы. Вместо нее на щите красовалась барышня, но не целиком, а лишь ее лицо. Довольно симпатичная барышня, отметил про себя Герман, если бы не ее глаза. Глаза были холодными глазами змеи, которая глядела на свою жертву по-своему, по-змеиному гипнотизируя ее. Помимо лица барышни-змеи на щите красовалась надпись, которая свидетельствовала о том, что барышня кого-то любит и в этом, дескать, признается. Так прямо и было написано: «Я тебя люблю». Такси как раз застыло у светофора, и Герман озадаченно смотрел на щит, силясь понять, кто же это, собственно, такая и отчего ее признание в любви было необходимо делать столь публичным. Меж тем машина тронулась, и, проехав по Гоголевскому, они оказались на площади перед Храмом Христа. С все более возрастающим изумлением Герман обнаружил еще один точно такой же рекламный щит, клон первого, увиденного полминуты назад.

Чрезвычайно заинтригованный и подогреваемый парами виски, он сделал добрый глоток, крикнул и, достав из кармана телефон, принялся копаться в записной книжке. Нашел телефон Андрея Второго и, не задумываясь особенно о том, что тот уже может спать, нажал кнопку вызова. Соединялась линия долго, не так, как обычно соединяется в Москве, из чего Герман машинально сделал вывод, что Андрей где-то за границей и телефон его «в роуминге».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.